

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

В мире продано более 130 000 000
копий романов автора

СИНЯЯ КРОВЬ

ГРАНД МАСТЕР

Дэвид Болдаччи
Синяя кровь
Серия «Дэвид Болдаччи.
Гигант мирового детектива»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36300949

Дэвид Болдаччи Синяя кровь:
ISBN 978-5-04-096130-6

Аннотация

Дэвид Болдаччи – настоящий классик остросюжетного жанра. Он выпустил более 30 произведений, переведенных на 45 языков и вышедших в 80 странах общим тиражом более 130 000 000 экземпляров; при этом каждый его роман становился международным мегабестселлером.

Мейс Перри, офицера полиции, подставили всерьез и жестоко. От тюрьмы не зарекайся, как говорится... Она вышла на волю лишь через два года. Но на судьбу не ропщет. Для нее самое главное – вернуться в полицию, в ряды «синих». Потому что это именно то, для чего она родилась. Но как сделать это, когда твое имя запятнано? И Мейс решила: ей нужно раскрыть преступление. Такое, чтобы всем сразу стало ясно: они в ней крупно ошибались...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	53
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	74
Глава 12	79
Глава 13	83
Глава 14	89
Глава 15	96
Глава 16	101
Глава 17	111
Глава 18	114
Глава 19	124
Глава 20	128
Глава 21	135
Глава 22	141
Глава 23	145

Глава 24	150
Глава 25	157
Глава 26	162
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Дэвид Болдаччи

Синяя кровь

David Baldacci
TRUE BLUE

Copyright © 1996 by Columbus Rose, Ltd.
This edition is published by arrangement with Aaron M. Priest
Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

Серия «Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива»

© Посецельский А. А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2018

* * *

Болдаччи движет весь жанр саспенса.

People

Потрясающий боевик.

New York Daily News

Болдаччи по-прежнему не имеет себе равных.

Sunday Times

Один из самых успешных авторов в жанре триллера,
Болдаччи попросту не нуждается в представлении.

Daily Mail

*Скотту и Наташе,
а еще
Веронике и Майку,
части моей семьи и четверым самым классным
людям, которых я знаю*

Эта книга является вымыслом. Все характеры, события и диалоги – плод авторского воображения и не могут расцениваться как реальные. Любые совпадения с действительными событиями или личностями, живыми или умершими, абсолютно случайны.

Глава 1

Джейми Мелдон энергично потер глаза, потом вновь уставился в компьютерный монитор, но лучше не стало. Взглянул на часы: почти два ночи. Он перегорел. Ночные бдения в пятьдесят уже не по плечу. Джейми натянул куртку, пригладил редющие волосы, линия которых неуклонно отступала ото лба.

Собирая портфель, он думал о том голосе из прошлого. Не стоило, конечно, но ему позвонили; они поговорили. Потом встретились. Мелдон не хотел ворошить ту часть своей жизни. Однако он мог что-то сделать. Почти пятнадцать лет Джейми занимался частной практикой, но сейчас представлял Дядю Сэма. Можно отложить эти мысли на завтра. Обычно помогает.

Десять лет назад Мелдон был большой шишкой, дорогим уголовным адвокатом в Нью-Йорке, опекая кое-кого из самых низкопробных представителей манхэттенского дна. Головокружительный период его карьеры, а заодно его чернейшая полоса. Он выпустил из рук собственную жизнь, стал изменять жене и превратился в человека, которого сам начинал ненавидеть.

Когда его жене сообщили, что ей, скорее всего, осталось жить полгода, в голове у Мелдона что-то наконец щелкнуло. Он воскресил свой брак и помог супруге победить смертный

приговор. Он перевез семью на юг и последние десять лет не защищал преступников, а отправлял их в тюрьму. И все это было правильно, пусть даже с финансами дела обстояли отнюдь не блестяще...

Мелдон вышел из здания и поехал домой. Жизнь в столице не замирала даже в два ночи, но когда он свернул с шоссе и поехал по улицам к своему району, стало тише, и на Джейми вновь накатила сонливость. В зеркале заднего вида замигали синие огоньки, и он насторожился. До дома было не больше полумили по прямой, но дорогу с обеих сторон прикрывали деревья. Мелдон свернул на обочину и стал ждать. Полез за бумажником, где лежали документы. Может, от усталости он пару раз клюнул носом или небрежно свернул?..

Джейми смотрел, как к машине идут двое. Не в форме, темные костюмы подчеркивают сияние белых рубашек под почти полной луной. Оба мужчины около шести футов ростом, спортивного сложения, гладко выбриты и коротко подстрижены, насколько он мог разглядеть в лунном свете. Правая рука потянулась к мобильному телефону. Мелдон набрал 911 и задержал палец над кнопкой вызова. Затем опустил стекло и уже было собрался протянуть в окно документы, но один из мужчин опередил его.

– Это ФБР, мистер Мелдон. Я – специальный агент Хоуп; мой напарник – специальный агент Рейгер.

Мелдон посмотрел на удостоверение, потом мужчина дер-

нул рукой, и из следующего отделения кожаного бумажника показался знакомый щит ФБР.

– Агент Хоуп, я не понимаю, в чем дело.

– Электронные письма и телефонные звонки, сэр.

– От кого?

– Нам нужно, чтобы вы поехали с нами.

– Что? Куда?

– ГУВ.

– Главное управление по Вашингтону? Зачем?

– Есть вопросы, – ответил Хоуп.

– Вопросы? О чем?

– Мистер Мелдон, нам сказали лишь подбросить вас. Вас ждет заместитель директора.

– Это не может подождать до завтра? Я – прокурор.

Хоуп отстраненно смотрел на него.

– Мы прекрасно осведомлены о том, чем вы занимаетесь.

Мы – ФБР.

– Разумеется, но я все еще не...

– Сэр, вы можете позвонить адвокату, если хотите, но нам приказано привезти вас как можно скорее.

Мелдон вздохнул.

– Хорошо. Я могу ехать за вами в своей машине?

– Да, но моему напарнику придется поехать с вами.

– Зачем?

– Хорошо подготовленный агент с дробовиком никогда не помешает, мистер Мелдон.

– Отлично.

Мелдон засунул телефон обратно в карман и открыл дверь. Агент Рейгер уселся рядом, а Хоуп пошел назад, к своей машине. Джейми пристроился за ним, и они поехали обратно, к Вашингтону.

– Жаль, что вы, парни, не заехали ко мне в офис. Я только что приехал из города.

Рейгер не отрывал взгляда от ведущей машины.

– Могу я поинтересоваться, сэр, что вы делали там в такое время?

– Я же сказал: я был в офисе, работал.

– В ночь на воскресенье, так поздно?

– Это не работа с девяти до пяти... Ваш напарник упоминал телефонные звонки и электронные письма. Он имел в виду входящие или те, которые делал я сам?

– Возможно, ни те ни другие.

– В смысле? – резко переспросил Мелдон.

– Разведотдел Бюро постоянно собирает слухи и сплетни из мира подонков. Возможно, кто-то из отправленных вами за решетку решил отплатить. К тому же известно, что, когда у вас была частная практика в Нью-Йорке, некоторые ваши... клиенты остались не слишком довольны. Возможно, проблемы идут оттуда.

– Но это было десять лет назад.

– У бандитов долгая память.

Мелдон внезапно испугался.

– Если какой-то придурок собирается стрелять в меня, мне нужна защита для семьи.

– У вашего дома уже стоит машина с двумя агентами.

Они пересекли Потомак и въехали в Вашингтон, а через пару минут уже подъезжали к ГУВу. Ведущая машина ушла влево, в переулок. Мелдон свернул следом.

– Почему туда?

– Они только что открыли для нас новый подземный гараж с укрепленным туннелем прямо в ГУВ. Так быстрее и подальше от чужих глаз. В наше время за Бюро может наблюдать кто угодно, двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. От «Аль-Каиды» до следующего Тимоти Маквея¹.

Мелдон нервно взглянул на него.

– Ясно.

Это были последние слова Джейми.

Мощный электрический разряд парализовал его, а нога пассажира резко нажала на тормоз. Будь Мелдон в состоянии смотреть, он увидел бы, что на руках Рейгера перчатки. И эти перчатки обнимают небольшую черную коробочку, из которой торчат два электрода. Мелдон обмяк на руле машины, а Рейгер уже выбирался наружу.

Ведущая машина остановилась, Хоуп выскочил и побежал к своему напарнику. Вместе они вытащили Мелдона и

---

¹ Тимоти Джеймс Маквей (1968–2001) – резервист армии США, ветеран войны в Персидском заливе, организатор крупнейшего (до 11 сентября 2001 г.) террористического акта в истории Америки – взрыва в федеральном здании в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 г., унесшего жизни 168 человек.

прислонили его лицом к большому мусорному баку. Рейгер достал пистолет с глушителем, подошел вплотную и прижал срез глушителя к затылку Мелдона. Одна пуля – и жизнь прокурора закончилась.

Агенты затолкали тело Мелдона в бак. Рейгер сел в его машину. Труп Мелдона тонул в куче мусора, а две машины уже выехали из переулка, повернули налево и направились на север.

Рейгер нажал на своем телефоне кнопку быстрого набора. Абонент ответил после первого гудка. «Готово», – произнес Рейгер, отключился и засунул телефон обратно в карман.

Человек на другом конце линии поступил так же.

* * *

Джарвис Бёрнс, прижимая тяжелый портфель к больной ноге, старался угнаться за остальной частью группы, пока они шли по асфальту, поднимались по металлической лестнице и забирались в ожидающий их самолет.

Мужчина с седыми волосами и морщинистым лицом обернулся и взглянул на Бёрнса. Сэм Доннелли был директором Национальной разведки, то есть, по сути, главным разведчиком Америки.

– Джарв, всё в порядке?

– Все отлично, директор, – ответил Бёрнс.

Через десять минут «борт номер один» поднялся в чистое

ночное небо и взял курс назад, на авиабазу Эндрюс в Мэриленде.

Глава 2

– Шестьдесят восемь... шестьдесят девять... семьдесят.

Мейс Перри коснулась грудью пола; потом тело пошло вверх, для последнего отжимания. Трицепсы дрожали от напряжения. Она вытянулась на полу, жадно всасывая воздух, по лбу ее стекал пот. Потом перевернулась на спину и принялась за «скручивания» для пресса. Одна сотня. Вторая сотня. Она сбилась со счета. Дальше пошел подъем ног; через пять минут мышцы пресса орали благим матом, но Мейс продолжала упражнения через боль.

Следующим номером были подтягивания. Лишь только попав сюда, Перри могла подтянуться семь раз. Сейчас она поднимала подбородок над перекладиной двадцать три раза, стягивая мышцы плеч и рук в узкие шнуры. Последний раз с выкриком подогретой эндорфинами ярости, потом пробежка. Мейс принялась нарезать круги по большому залу, один раз, два, десять, двадцать. С каждым кругом женщина набирала скорость, пока майка и шорты не прилипли к коже. Приятное ощущение, а заодно паршивое, раз уж на окнах по-прежнему решетки. Их не оббежать, во всяком случае, еще три дня.

Она подобрала старый баскетбольный мяч, несколько раз стукнула им о пол, потом повела к кольцу без сетки, торчащему из самодельного щита на стене. Бросила из-под кольца,

промахнулась, отошла на пятнадцать футов² влево, обернулась, бросила в прыжке и опять промахнулась. Сместилась, примерилась и забросила в кольцо третий, потом четвертый. Через двадцать минут Мейс забрасывала в прыжках один мяч за другим, сосредоточившись на движениях, пытаясь забыть, где она сейчас. Ей даже почудился рев зрителей, как в тот раз, когда бросок старшеклассницы Мейс Перри принес команде победу на школьном чемпионате штата.

Потом низкий голос прорычал:

– Что, Перри, к Олимпиаде готовишься?

– К чему-нибудь да готовлюсь, – ответила Мейс. Она бросила мяч, обернулась и уставилась на крупную женщину в форме и с дубинкой в руке. – Может, к адекватности.

– Ну тогда тащи свою жопу обратно в камеру. Твое время вышло.

– Хорошо, – автоматически ответила Мейс. – Уже иду.

– Режим средней строгости не означает отсутствие режима. Ты меня слышала!

– Слышала, – отозвалась Мейс.

– Тебе осталось недолго, но пока что твоя жопа на моем поле. Ясно?

– Ясно!

Мейс трусцой побежала по коридору, выгороженному бетонными блоками. Блоки были покрашены в ружейно-серый – видимо, на случай, если местные обитатели еще недоста-

---

² Здесь и далее: 1 фут равен 30,48 см.

точно подавлены обстановкой. Коридор заканчивался тяжелой металлической дверью с прорезанным сверху окошком. Охранник с другой стороны нажал кнопку на панели, где-то клацнуло, и стальная дверь открылась. Мейс прошла в проем. Бетонные блоки, трубчатые стальные перегородки, прочные двери с маленькими окошками, из которых выглядывали злые лица. Клацнуть, чтобы войти. Клацнуть, чтобы вернуться. Добро пожаловать в место заключения трех миллионов американцев, наслаждающихся роскошью государственного жилья и трех бесплатных квадратов. Вам нужно просто нарушить закон.

Когда Мейс увидела охранника, она пробормотала только одно слово: «Дерьмо».

Не первой молодости, за пятьдесят, с бледной, болезненной кожей, пивным животом, лысый, с хрустящими коленями и квакающими легкими курильщика. Он явно поменялся с другим охранником, который должен был стоять здесь, пока Мейс была в зале, и она знала почему. Он положил на нее глаз, и ей приходилось постоянно увертываться от него. Пару раз у нее не вышло, и ничего приятного в этих встречах не было.

– У тебя есть четыре минуты на душ до жратвы, Перри, – рывкнул он и выпятил живот поперек узкого прохода, по которому она шла.

– Помоюсь побыстрее, – сказала она и попыталась протиснуться мимо него.

Неудачно.

Он развернул ее и навалился; она напряглась, упираясь ладонями в стену. Охранник засунул свои здоровенные ботинки двенадцатого размера под тонкие подошвы ее кед шестого; теперь Мейс стояла на цыпочках, выгнув спину. Она почувствовала на заднице его мясистую руку, потом он потянул ее бедра к себе, вынуждая встать по-собачьи. Охранник выбрал место не случайно – они оба находились в мертвой зоне камеры видеонаблюдения.

– Время маленького обыска, – сказал он. – Вы, дамочки, можете спрятать всякое дерьмо где угодно, верно?

– Правда?

– Я знаю все ваши уловки.

– Вы сами сказали, у меня только четыре минуты.

– Ненавижу телок вроде тебя, – выдохнул он ей в ухо.

«“Кэмэл” и “Джуси Фрут” – мощное сочетание». Охранник провел рукой по ее груди, потом сжал с такой силой, что у нее на глазах выступили слезы.

– Ненавижу таких, как ты, – повторил он.

– Ага, я заметила, – сказала Мейс.

– Заткнись!

Он начал водить пальцем по ее шортам между ягодиц.

– Там нет оружия, клянусь вам.

– Я сказал, заткнись!

– Я просто хочу пойти в душ.

«И сейчас намного сильнее, чем раньше».

– Да уж конечно, кто бы спорил, – сипло пробурчал охранник. – Кто бы спорил...

Охранник утвердил одну руку на ее правом бедре, другую – на заднице и начал вгонять носки своих ботинок еще глубже. Мейс казалось, что она балансирует на четырехдюймовых шпильках. Она многое сейчас отдала бы за острую шпильку и без всяких туфель.

Перри закрыла глаза и попыталась думать о чем угодно, только не о том, что он с ней делал. Его удовольствия были относительно просты: лапать телку или тереться о нее своей штукой, когда выпадет шанс. Во внешнем мире такие действия обеспечили бы ему лет двадцать за решеткой. Однако здесь расклад был классическим – «она сказала, он сказал», и без следов ДНК ей никто не поверил бы. Поэтому Пивное Пузо и ограничивался имитацией через одежду. А врезать подонку означает заработать еще год.

Когда охранник закончил, он произнес:

– Думаешь, ты кто, а? Ты заключенная номер двести сорок пять, вот ты кто. Тюремный блок Б. Вот ты кто. И больше ничего.

– Да, вот я кто, – сказала Мейс.

Поправляя одежду, она молилась о неоперабельном раке легких Пивного Пуза. Сильнее всего ей хотелось вытащить пистолет и разбрызгать его мозги – если у него в башке есть хоть что-то – по этим серым стенам.

В душе Мейс крепко растерлась мочалкой и быстро опо-

лоснулась. Здесь быстро приучаешься к такому мытью. Она пережила свое посвящение, не проведя в тюрьме и двух дней. Той женщине Мейс расквасила нос. Тот факт, что она избежала одиночки и ни к кому не прилипла, не завоевал ей любви других заключенных. На нее просто повесили этикетку «привилегированная сучка», и это оказалось немногим лучше, чем попасть в место, где всё – на что ты имеешь право и на что не имеешь – определяет смотрящий камеры. Мейс продержалась почти два года, но сама толком не понимала как.

Она торопилась, каждая минута сейчас была драгоценной. Мейс отсчитывала оставшееся до свободы время, предвкушая и опасаясь, потому что по эту сторону стены гарантию давали только на страдания.

Глава 3

Через несколько минут Мейс с еще влажными волосами отстояла очередь к раздаче и получила свою порцию еды, такой дрянной и жирной, что в любом другом месте – за исключением, возможно, школьных столовых и эконом-класса авиакомпаний – ее сочли бы несъедобной. Женщина пихала в себя эту дрянь, пока не утих голод, потом встала и пошла выбросить остатки. Она шла мимо одного из столов, когда из-под него резко высунулась нога размером с телячью. Мейс запнулась и упала, поднос отлетел в сторону, разбрызгивая по полу славную коричнево-зеленую жижу.

Охранники на периметре напряглись. Хуанита, заключенная, подставившая Мейс ногу, смотрела, как та поднимается с пола.

– Ты – неуклюжая сучка, – заявила Хуанита и обернулась к своей банде, сидящей вокруг «королевы улья». – Неуклюжая сучка, верно?

Все женщины тут же подтвердили, что такую неуклюжую сучку не сразу и отыщешь.

У Хуаниты – две с половиной сотни фунтов на шести-футовом каркасе – бедра размером и формой напоминали брызговики фуры. В Мейс было полтора ста фунтов при ро-

сте пять и шесть³. Снаружи Хуанита была мягкой, бесформенной; Мейс – жесткой, как те стальные двери, за которыми запирают здесь всех плохих девчонок. Однако Хуанита все еще могла сломать ее. Она присела сюда после удачной сделки – признания себя виновной в убийстве второй степени, где фигурировали монтровка, зажигалка и много бензина.

Поговаривали, что здесь ей нравится намного больше, чем там, снаружи. Здесь Хуанита была «королевой улья». Там – еще одной жирной телкой без школьного диплома, из которой можно выбить все дерьмо, отправить возить наркоту и оружие или попросту сделать ребенка, а потом бросить. Во внешнем мире Мейс сталкивалась с тысячей таких Хуанит. Они были обречены с того момента, как впервые увидели свет.

Это неплохо объясняло, почему Хуанита здесь регулярно слетала с катушек, добавив к своему первоначальному сроку еще двенадцать лет за пару нападений при отягчающих обстоятельствах и хранение оружия и наркотиков. При таких раскладах она вполне могла остаться за решеткой до тех пор, пока ее тушу не зареют на кладбище для бедняков. Жир и кости сгниют, и никто никогда о ней не вспомнит.

Но пока Хуанита жива, терять ей нечего, и именно это делало ее настолько опасной, поскольку полностью вырезало из ее мозгов все социальные ограничители. Единственный фактор, но он обращал мягкую плоть в титан. Сколько бы

---

³ Ок. 113 кг и 183 см против 68 кг и 171 см.

кругов или повторов ни делала Мейс, ей все равно не сравниться с Хуанитой. Мейс все еще испытывала жалость, еще помнила о сопереживании; Хуанита напрочь забыла об этих чувствах, если вообще когда-либо знала их.

Мейс держала вилку наготове. На мгновение она бросила взгляд на широкую руку Хуаниты, лежащую на столе. Оранжевый лак на ногтях сглаживал цвет кожи, выше темнела татуировка, что-то вроде паука. Очевидная цель – рука.

«Только не сегодня. Я уже отплясала с Пивным Брюхом. И с тобой танцевать не буду».

Мейс прошла мимо и сбросила поднос и принадлежности в бак для грязной посуды.

Уже выходя, она мельком обернулась на Хуаниту и увидела, что та по-прежнему наблюдает за ней. Не отрывая взгляда от Мейс, она что-то прошептала одной из своих, долговязой белой тетке по имени Роза. Последняя попала сюда за то, что едва не отрезала голову подружке своего мужа в барном туалете, воспользовавшись разделочным ножом, который муженек приберегал для своих уловов. Мейс слышала, что муж не появлялся в суде, но лишь потому, что жутко разозлился на Розу за безнадежно испорченное лезвие. Все это определенно больше напоминало трэш в студии Джерри Спрингера, чем болтовню на диванчике у Опри.

Мейс видела, как Роза кивнула и ухмыльнулась, показав оставшиеся во рту девятнадцать зубов. Трудно поверить, что когда-то она была маленькой девочкой, любила наряжаться,

сидеть на отцовских коленях, училась писать в прописях, радовалась играм школьной футбольной команды и мечтала о чем-то другом, нежели сто восемьдесят месяцев в камере, играя вторую скрипку при жирной «королеве улья» с мозго-строєм Джеффри Дамера⁴.

Роза зашла к Мейс на второй день ее пребывания в тюрьме и заявила, что Хуанита – мессия, а мессия всегда получает все, что хочет. Мейс должна радоваться, когда дверь камеры откроется и на пороге появится мессия. Таковы правила. Так живут люди в Стране Хуаниты. Мейс несколько раз отказывалась от предложений «королевы улья». И прежде чем дела по-настоящему пошли вразнос, Хуанита внезапно отступила. Мейс думала, что знает, в чем дело, но не наверняка. Однако ей в течение двух лет каждый день приходилось сражаться за свою жизнь, пользуясь мозгами, уличными навыками и накачанной уже здесь мускулатурой.

Мейс дотащи́лась до блока Б, и ровно в семь вечера за ними всеми захлопнулись двери. Многовато веселья для воскресного вечера. Перри уселась на стальную кровать. Матрас был настолько тонким, что через него можно было смотреть. Два года она спала здесь, и на теле отпечата́лась каждая стяжка и изгиб металла. Ей осталось еще три дня. Ну теперь уже два, если она справится с этой ночью.

Хуанита знала, когда Мейс выходит на волю, поэтому и

---

⁴ Джеффри Дамер – американский серийный убийца и некрофил. За четыре года убил шестнадцать человек, насиловал и поедал трупы.

подставила ей ногу, пыталась зацепить ее. Она не хотела, чтобы Мейс вышла. И потому Мейс сидела в своей камере, сжавшись в тугой, жесткий комок в углу. Сжатые кулаки стискивали острые блестящие предметы, загодя спрятанные так, чтобы их не отыскиали охранники. Стало темно, потом еще темнее. Наступило то время ночи, когда каждый знает – хорошего ждать не приходится, потому что пришедшее зло отпугивает любое добро. Мейс продолжала ждать. Она знала: в какой-то момент дверь камеры откроется, а ночные охранники будут смотреть в другую сторону, рассчитывая на наркотики или секс, а то и на всё вместе.

И тогда войдет мессия, и будет у нее одна цель: не дать Мейс встретить свет свободного дня. Два года Мейс готовила себя к этой минуте. И сейчас каждый вздох подбрасывал адреналина в накачанное тело.

Через три минуты дверь камеры отъехала в сторону, и на пороге появилась женщина.

Но не Хуанита.

Хотя гостя тоже была высокой, шесть футов плюс один дюйм полированных ботинок. И форма не как у охранников, чистая и сидит по фигуре. Светлые волосы хорошо пахли, а здесь этим не мог похвастаться никто.

Гостя шагнула вперед, и хотя в камере было темно, Мейс разглядела на ее плечах четыре звезды. В Главном управлении полиции округа Колумбия было одиннадцать званий, и эти четыре звезды представляли наивысшее.

Мейс, все еще стискивая кулаки, посмотрела вверх и встретила взглядом с женщиной.

– Привет, сестричка, – сказала начальник полиции округа Колумбия. – Не против, если мы заберем тебя на хрен отсюда?

Глава 4

Рой Кингман сделал финт и резко отправил мяч между ног защитника. А уж там великан Джоаким с реактивным прыжком уложил мяч в сетку, достав макушкой почти до уровня кольца.

– Двадцать одно. И с меня хватит, – заявил Рой, по лицу которого тек пот.

Десять молодых мужчин собрали свои вещи и побрели в душевые. К шести тридцати утра Рой уже провел три игры пять на пять на площадке в своем спортклубе на северо-западе округа Колумбия. Прошло восемь лет с тех пор, как он играл за университетскую команду «Вирджиния Кавальерс» на позиции разыгрывающего защитника. «Всего» шесть футов два дюйма⁵ и без всяких реактивных прыжков, Рой в свой выпускной год вел команду к чемпионату Конференции Атлантического побережья: долгие жесткие тренировки, тонкий розыгрыш на площадке, хорошая базовая подготовка и толика удачи. Эта удача закончилась в четвертьфинале NCAA⁶, когда они столкнулись с неизменно энергичным Канзасом.

---

⁵ 189 см.

⁶ NCAA – Национальная ассоциация студенческого спорта. Входящие в нее команды высших учебных заведений разделены на конференции. Конференция Атлантического побережья (АСС) входит в первый дивизион.

Разыгрывающий защитник «Джейхоукс» двигался с кошачьей скоростью и потрясающей грацией, а при росте всего в шесть футов с легкостью забрасывал мяч из-под кольца. Он сделал двенадцать трехочковых – в основном с рукой Роя на лице, – десять передач и вынудил обычно надежного разыгрывающего «Кавз» чаще терять мяч, чем бросать его. Не так Рою хотелось запомнить свою четырехлетнюю спортивную карьеру. Однако теперь, разумеется, он вспоминал именно это...

Рой принял душ, переоделся в белую рубашку поло, серые слаксы и синий спортивный пиджак – свою обычную рабочую одежду, – забросил сумку в багажник серебристой «Ауди» и поехал на работу. На часах было чуть больше семи, но его работа требовала долгого и насыщенного дня.

В семь тридцать он въехал на крытую парковку офисного здания в Джорджтауне, выходящего на берег, выдернул с переднего сиденья портфель, пискнул брелоком, запирая машину, и поднялся на лифте в вестибюль. Там сказал «привет» Нэду, грузному охраннику, который запихивал в рот бургер, свободной рукой лениво перелистывая последний номер «Масл Мэг»⁷. Рой не сомневался: если Нэду придется встать со стула и броситься за злоумышленником, опасность последнему не угрожает, а вот старине Нэду придется делать искусственное дыхание.

---

⁷ «Масл Мэг» – мужской журнал, посвященный вопросам бодибилдинга и фитнеса.

«Лишь бы только этим не пришлось заниматься мне».

Рой вошел в офисный лифт, приложил карточку и нажал кнопку шестого этажа. Не прошло и минуты, как он подходил к дверям офиса. Поскольку «Шиллинг и Мёрдок» начала работать только в восемь тридцать, Рою пришлось еще раз приложить карточку, чтобы открыть стеклянную дверь юридической фирмы.

На «Шиллинг и Мердок» работали сорок восемь юристов в округе Колумбия, двадцать в Лондоне и еще двое – в дубайском офисе. Рой бывал во всех трех местах. Он летал на Ближний Восток на частном самолете некоего шейха, у которого были деловые отношения с одним из клиентов «Шиллинга». Частным самолетом оказался «Аэробус А380», крупнейший в мире коммерческий авиалайнер, способный перевозить шесть сотен обычных людей – или два десятка необычайно удачливых, окруженных невероятной роскошью. В «каюте» Роя были кровать, диван, стол, компьютер, двести ТВ-каналов, неограниченное количество кинофильмов и мини-бар. Вдобавок эта роскошь включала персонального сопровождающего, в случае Роя – молодую иорданку, настолько физически безупречную, что большую часть полета Рой нажимал на кнопку вызова, просто чтобы еще раз полюбоваться девушкой.

Он прошел по коридору в свой кабинет. Офис юридической фирмы был симпатичным, но без показной роскоши, а по сравнению с тем А380 даже навел на мысль о трущобах.

бах. Правда, Рою требовались лишь стол, кресло, компьютер и телефон. Единственным добавлением к обстановке было баскетбольное кольцо на внутренней стороне двери, в которое Рой бросал маленький резиновый мяч, пока трепался по телефону или думал.

В обмен на десяти- или одиннадцатичасовые рабочие дни, а временами работу по выходным, он получал двести двадцать тысяч долларов в год, еще шестьдесят тысяч в качестве бонуса и долю прибыли, плюс золотую страховку и месяц оплачиваемого отпуска, в который мог развлекаться всласть. Зарплата росла в среднем на десять процентов в год, так что в следующем периоде он нащелкает больше трехсот штук. Неплохой результат для бывшего студента-спортсмена, получившего диплом юриста всего пять лет назад и проработавшего в этой фирме двадцать четыре месяца.

Теперь Рой был юрисконсультom и потому ни разу не появлялся в зале суда. И самое главное, ему не требовалось списывать часы, поскольку все клиенты фирмы оплачивали полное сопровождение, если только не случалось чего-то экстраординарного, а такого за время работы Роя не было ни разу. Он проработал три года, занимаясь собственной частной практикой. Ему хотелось попасть в общественную защиту⁸ округа Колумбия, но этот офис являлся одним из лучших

---

⁸ Общественный защитник в США – адвокат, который предоставляется государством или штатом и назначается судом для тех, кто не может позволить себе частного адвоката. Общественные защитники фактически являются государственными служащими.

представительств общественной защиты в стране, и конкурс на место, мягко говоря, впечатлял. И потому Рой стал адвокатом по уголовным делам. Звучало это серьезно, но на практике означало, что он находится в одобренном судом перечне сертифицированных юристов, которые по большей части подбирают крохи со стола государственной адвокатуры.

У Роя была одна комната в нескольких кварталах от Высшего суда округа Колумбия, в офисе, который он делил с еще шестью юристами. Еще они делили одного секретаря, одного помощника, одну копировальную машину и тысячи литров плохого кофе. Большинство клиентов Роя были виновны, и потому он в основном занимался переговорами – договаривался с прокурорами об условиях признания вины, поскольку в столице занимались всеми видами преступлений. Прокуроры желали идти на судебные слушания, только чтобы добавить себе часов или надрать чью-то конкретную задницу, поскольку доказательства обычно бывали настолько однозначны, что делали обвинительный приговор практически неизбежным.

Рой мечтал играть в НБА⁹, пока наконец не признал, что на свете есть миллионы парней, которые играют лучше, чем дано ему, и мало кому из них удастся перейти в профессионалы. Это было главной причиной, по которой Кингман пошел на юридический; его навыков работы с мячом не хва-

---

⁹ НБА – Национальная баскетбольная ассоциация, главная баскетбольная лига США.

тало, чтобы стать профи, и он не мог регулярно забивать трехочковые. Иногда Рой задумывался, нет ли и у других высоких юристов за плечами похожей истории.

Подготовив к приходу секретарши несколько задач, он понял, что хочет кофе. Было ровно восемь, когда Рой прошел по коридору к кухне и открыл холодильник – кухонный персонал держал кофе там, чтобы тот подольше оставался свежим.

Вот только кофе там не оказалось.

Вместо него на руки Рою вывалилось женское тело.

Глава 5

Они ехали в черном «Линкольне Таункар», внедорожник с охраной шел следом. Мейс поглядывала на свою старшую сестру, Элизабет, которую друзья и некоторые коллеги по работе звали Бет. Однако большинство людей называло ее просто Шеф.

Мейс обернулась и посмотрела на идущую сзади машину.

– А к чему такой караван?

– Просто так.

– А зачем приезжать ночью?

Бет Перри посмотрела на водителя в форме:

– Кейт, включи музыку. Мне бы не хотелось, чтобы ты заснул. На этих дорогах мы рано или поздно въедем в какую-нибудь гору.

– Хорошо, Шеф.

Кейт с готовностью включил радио, и задние сиденья накрыл хриплый голос Ким Карнс, поющей Bette Davis Eyes.

Бет обернулась к сестре и негромко ответила:

– Так мы избавимся от прессы. И, к твоему сведению, у меня с первого дня были там глаза и уши. Я старалась вмешиваться в самых необходимых случаях.

– Так вот почему корова отступила...

– Ты имеешь в виду Хуаниту?

– Я имею в виду корову.

Сестра заговорила еще тише:

– Я прикинула, что они собираются сделать тебе подарок на прощание. Поэтому и приехала раньше времени.

Мейс раздражало, что начальник полиции должен включать радио и шептаться в собственной машине, но она понимала почему. Повсюду есть уши. Уровень, на котором находилась ее сестра, подразумевал не просто руководство правоохранительными органами, но политику.

– А как ты устроила освобождение на два дня раньше?

– Время сокращено за хорошее поведение. Ты заработала целых сорок восемь часов свободы.

– После двух лет не похоже на большое достижение.

– И вправду не похоже, – с улыбкой заметила Бет и похлопала сестру по руке. – Не скажу, что я этого от тебя ожидала.

– Куда мне отсюда идти?

– Я думала, ты сможешь упасть у меня. Там полно места. Развод закончился шесть месяцев назад, и Тед давно съехал.

Восьмилетний брак ее сестры с Тедом Бланкешипом начал разваливаться еще до того, как Мейс отправилась в тюрьму. Детей у них не было, и все закончилось мужем, который ненавидел свою бывшую главным образом за то, что она намного умнее и успешнее, чем он.

– Надеюсь, мое пребывание в тюрьме не способствовало крушению.

– Мой отстойный выбор мужчин – вот что ему способствовало. В общем, я снова Бет Перри.

– А как мама?

– По-прежнему замужем за Денежным Мешком – и такая же колючка в заднице, как и всегда.

– Она ни разу не пришла ко мне. Даже не написала ни одного чертова письма.

– Мейс, просто не думай об этом. Она такая, как есть, и ни ты, ни я не изменим эту женщину.

– А что с моей квартирой?

Бет отвернулась. Мейс видела в зеркало, что сестра нахмурилась.

– Я держала ее, пока могла, но развод откусил здоровый кусок от моего бумажника. Мне пришлось выплатить Теду алименты. Газеты вдоволь повеселились, хотя предполагалось, что эти сведения не для распространения.

– Ненавижу прессу. И, для протокола, я всегда терпеть не могла Теда.

– В любом случае банк забрал твою квартиру четыре месяца назад.

– Не сообщив мне? Они могли так сделать?

– Ты назначила меня своим поверенным перед тем, как отправиться за решетку. Они сообщили мне.

– А почему ты мне не сказала?

Бет посмотрела на нее.

– И что бы ты сделала, если б я сказала?

– Было бы неплохо знать, – угрюмо ответила Мейс.

– Извини. Я решила по-своему. По крайней мере, ты за

нее ничего не должна.

– У меня что-нибудь осталось?

– После того, как мы оплатили счета за твою защиту...

– Мы?

– Еще одна причина, по которой я больше не могла платить за твою квартиру. Юристы всегда получают свои деньги. Ты бы сделала для меня то же самое.

– Ты вряд ли когда-нибудь вляпалась бы в такую кучу дерьма.

– Хочешь остальные плохие новости?

– Почему бы нет? Хорошо идет.

– Твой инвестиционный счет сдох, как и все прочие на фоне спада экономики. Твоя полицейская пенсия превратилась в дым в тот момент, когда тебя осудили. На твоём текущем счете есть в общей сложности тысяча двести пятнадцать долларов. Я договорилась с кредиторами урезать твои долги до шести штук и заставила их согласиться на отсрочку, пока ты не встанешь на ноги.

Мейс молчала, пока машина шла по извилистым улицам к шоссе, которое со временем приведет их в Вирджинию, а затем – в округ Колумбия.

– И все это в свободное время, пока ты руководила десятым по величине полицейским управлением и контролировала меры безопасности во время инаугурации президента. Никто не смог бы сделать больше. Если б я присматривала за твоими финансами, ты запросто могла бы оказаться в ки-

тайской долговой тюрьме... – Мейс коснулась руки сестры. – Спасибо, Бет.

– Мне удалось сохранить для тебя одну вещь.

– Какую?

– Увидишь, когда мы приедем.

Глава 6

Солнце уже вставало, когда «Таункар» повернул на тихую улочку, заканчивавшуюся тупиком. Через несколько секунд машина остановилась на подъездной дорожке уютного на вид двухэтажного каркасного дома с широким крыльцом. Дом располагался в самом конце улицы. О том, что здесь живет самый главный коп округа Колумбия, говорили лишь пост охраны и переносные барьеры, убранные, когда «Таункар» свернул к дому.

– Бет, что за чертовщина тут происходит? – спросила Мейс. – У твоего дома никогда не было охраны. И водителем ты обычно не пользуешься.

– Мир изменился. И мэр настоял.

– Тебе что-то угрожает?

– Я получаю угрозы каждый день. За мной таскаются и в штаб-квартире, и здесь.

– Я знаю. Так что изменилось?

– Тебе не о чем беспокоиться.

Бет Перри опустила стекло, обменялась несколькими словами с дежурящими полицейскими, потом они с Мейс вылезли и направились к дому. Внутри та сбросила на пол мешок со всеми своими пожитками и огляделась.

– Ты не собираешься рассказать, зачем вся эта новая система безопасности?

– Нечего рассказывать. Мне это не особо нравится, но я уже говорила – мэр настоящ.

– Но почему он...

– Хватит, Мейс!

Сестра смотрела ей прямо в глаза, пока Мейс не отвела взгляд.

– А где Слепыш?

Будто услышав ее, в комнату вошла довольно крупная старая дворняга с серыми, черными и каштановыми отметинами на шкуре. Пес понюхал воздух, твякнул и потрусил напрямиком к Мейс. Она опустилась на колени и принялась чесать пса за ушами, а потом обняла его, уткнувшись носом в гладкую шерсть, пока пес увлеченно облизывал ей ухо.

– Кажется, я скучала по этому парню почти как по тебе.

– Он тосковал без тебя.

– Эй, Слепыш, ты скучал по мне, приятель, скучал по мне, да?

– До сих пор не могу поверить, что его собирались усыпить лишь потому, что он не видит. У этого пса такой нюх, что он может заменить две пары нормальных глаз.

Мейс встала, но продолжала гладить Слепыша по голове:

– Ты вечно притаскивала бездомных животных со странностями. Глухой кот, трехногий Билл-боксер...

– Все заслуживают своего шанса.

– Включая младшую сестру?

– Ты похудела, но, похоже, в прекрасной форме.

– Тренировалась каждый день. Только это меня и держало.

Бет странно посмотрела на нее. Мейс потребовалось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело.

– Я чиста, Бет. Я была чиста, когда попала туда, и за все время ни разу не прикоснулась к этим штукам, хотя должна сказать, что наркотиков там больше, чем в штаб-квартире «Пфайзер»¹⁰. Но я выбрала эндорфины, а не мет. Если хочешь, могу сдать анализы.

– Я – нет, но твой инспектор захочет; это условие надзора. Мейс глубоко вздохнула. Она забыла, что в течение года официально находится под надзором из-за некоторых обстоятельств, связанных с ее приговором. И если она облагается, ее отправят назад, причем не на двадцать четыре месяца, а на гораздо больший срок.

– Я знаю этого парня. Нормальный. Играет честно. Твоя первая встреча с ним на следующей неделе.

– Я думала, мы должны встретиться раньше.

– Обычно так и бывает, но я сказала ему, что ты побудешь со мной.

Мейс пристально посмотрела на сестру.

– Есть какие-то новости насчет того, кто меня подставил?

– Давай поговорим об этом попозже. У меня есть пара мыслей.

В ее голосе прозвучали нотки, убедившие Мейс не спо-

---

¹⁰ Американская фармацевтическая компания, одна из крупнейших в мире.

ритель.

– Я жутко проголодалась, но можно я сначала заскочу в душ? Две минуты холодной мороси в день в течение двух лет здорово достают.

– Полотенца, мыло и шампунь наверху. Вся твоя одежда в гостевой спальне.

Через полчаса сестры уселись в большой, просторной кухне за омлетом, кофе, беконом и тостами, приготовленными Бет. Шеф переоделась в джинсы и футболку с надписью «Академия ФБР». Волосы она стянула в хвост и разгуливала босиком. Мейс натянула белую рубашку с длинным рукавом и вельветовые брюки, которые последний раз надевала два года назад. Хорошо сидящие тогда, сейчас они сползли с узких бедер.

– Тебе нужно прикупить новой одежды, – заметила старшая сестра. – Сколько ты сейчас вешишь, сотни полторы?

– Чуть меньше... – Мейс провела пальцем по внутренней стороне пояса брюк. – Не знала, что я была такой жирной.

– Ага, очень жирной. Даже тогда ты могла спокойно обогнать большинство копов. Ни один пончик не угонится за Мейс Перри.

Солнце светило в окно, а Бет наблюдала, как сестра неторопливо жует тосты и смакует кофе маленькими глотками. Мейс поймала взгляд сестры и отложила вилку и чашку.

– Жалкое зрелище, сама знаю, – произнесла она.

Бет наклонилась, ее длинные пальцы обхватили предпле-

чье сестры:

– Сказать не могу, как я рада, что ты вернулась живой и здоровой. Такое облегчение...

Голос подвел Бет, и Мейс увидела, как на глазах старшей сестры выступают слезы; тех самых глазах, которые видели худшее в этом городе. Как и Мейс, Бет начинала рядовым полицейским в самом опасном районе, куда не заходил ни один турист, дороживший своей жизнью.

Шеф торопливо подошла к кухонному столу, налила еще чашку кофе и стала смотреть в окно на маленький задний дворик, пытаясь взять себя в руки. Мейс вернулась к еде. Через несколько минут она с набитым ртом спросила:

– Так что тебе удалось приберечь?

Смена темы явно обрадовала Бет.

– Пойдем, покажу.

Она открыла дверь в гараж и ткнула локтем в выключатель. Гараж был рассчитан на две машины. Одно место занимал черный «Джип Чероки» Бет. Рядом стоял другой транспорт, и при виде его Мейс широко улыбнулась.

Вишнево-красный мотоцикл «Дукати Спорт 1000S». Единственная вещь в жизни, на которую решила разориться Мейс. Притом что купила она его за полцены у дородно-го копа, приобретшего мотоцикл на фоне кризиса среднего возраста, а после этого обнаружившего, что он боится ездить на этой проклятой штуковине.

Мейс подошла к своему любимцу, провела рукой по пере-

вернутой алюминиевой передней вилке, великолепному изделию «Марзоки». Потом погладила амортизаторы «Сахс», которые так хорошо смягчали тряску, когда она выбирала собственный транспорт для преследования плохих парней. Сзади у мотоцикла была съемная накладка, придающая ему спортивный вид, но если ее снять, он становился двухместным. Однако Мейс предпочитала ездить одна. Шестиступенчатая коробка передач, электронный впрыск топлива от «Марелли», пара L-образных цилиндров и двигатель мощностью почти в сотню лошадей при восьми тысячах оборотов. Ни один мужчина не пробыл рядом с Мейс столько, сколько этот мотоцикл: она любила его намного сильнее, чем парней, с которыми ей доводилось встречаться.

– Как же мои кредиторы его прохлопали?

– Я переписала его на себя, так что нечего было прохлопывать. В качестве платы за ведение твоих дел, – ответила Бет и протянула сестре ключи. – Твои права еще действительны?

– Даже если нет, ты все равно меня не удержишь.

– И это ты говоришь начальнику полиции, который клялся хранить и защищать...

– Ну вот и храни эту мысль, пока я не вернусь.

Мейс водрузила на голову шлем.

– погоди секунду...

Она оглянулась как раз вовремя, чтобы подхватить черную кожаную куртку; эту куртку Бет подарила ей к покупке

мотоцикла. Мейс влезла в куртку. Мышцы плеч окрепли, так что сверху куртка была чуть тесновата, но все равно ощущение потрясающее – ведь сейчас и плечи, и все ее тело наконец-то свободны.

Мейс завела мотор.

По ту сторону кухонной двери начали скрести когти, а потом Слепыш завыл.

– Он ужасно не любит, когда ты садишься на эту штуку, – крикнула Бет сквозь рев мотора.

– Господи, но он так хорошо звучит, – отозвалась Мейс.

Бет уже нажимала кнопку гаражной двери. И не зря, потому что через пару секунд «Дукати» взревел еще громче и вырвался из гаража на свежий утренний воздух, оставив на полу полосы сгоревшего протектора.

Охранники еще не успели отреагировать и отодвинуть барьеры, а Мейс уже лавировала между ними, едва не укладывая мотоцикл на землю. Машина безупречно отвечала на любое движение, будто они с наездницей слились в единое существо. А потом – мощный выдох итальянской инженерии, и Мейс исчезла.

Охранники, чеша в затылках, обернулись к своему шефу. Бет иронично отсалютовала им чашкой кофе и ушла в дом. Однако гаражная дверь осталась открытой. Четыре года назад излишняя ретивость младшей сестры уже лишила Бет одной двери. И она не собиралась повторять эту ошибку.

Глава 7

Мейс знала, что Вашингтон относится к тем городам, где район району рознь. Зайди в один квартал – и ты будешь в такой же безопасности, как воскресным утром перед местной методистской церковью где-нибудь на юге Канзаса. Зато если соберешься в соседний, лучше укрыться кевларом, причем с ног до головы, поскольку велики шансы быть подстреленным. В такие кварталы и тянуло Мейс. Стрельба привлекала ее, а не отталкивала. Совсем как старшую сестру.

Она работала в другом подразделении, когда внезапно открылась вакансия в отделе специальных расследований. Мейс подала заявление. Ни одного опоздания на работу и лучший список задержаний. Она произвела впечатление на руководство и получила место. Работала в особом мобильном отряде, хотя теперь это подразделение называлось группой целевых операций, что, по мнению Мейс, звучало уже не так круто.

Она начала работать «выскачкой» в штатском: в основном это означало, что ты курсируешь по району в поисках наркодилеров, и когда видишь их, выскакиваешь и арестовываешь, пока сил хватает. В некоторых районах Вашингтона промахнуться сложно. Мейс могла хватать столько, сколько пожелает. Сдерживающих факторов было только два: сколько бумажной работы она потянет и сколько слушаний в суде

выдержит.

Она набила руку на уличных дилерах, торговавших «коксом» и «герычем» и зашибавших по две штуки в день. Мелкая рыбешка, само собой, но они тоже стреляли в людей. Потом пошли лотерейщики. Они сдавали либо дозу «крэка», либо лотерейный билет, движение кисти было практически одинаковым. И там, где работала Мейс, продавали много лотерейных билетов. Однако вскоре она могла с двадцати футов определить по движению указательного пальца, что идет в ход – доза или просто билетик. Позже Мейс стала работать под прикрытием в аду наркотиков и убийств Шестого и Седьмого районов. Вот когда начались настоящие неприятности. Вот почему испарились два года ее жизни...

Мейс пролетала один квартал за другим, наслаждаясь первым за двадцать четыре месяца днем свободы. Темные волосы выбивались из-под шлема. Мотоцикл уносил ее из оплота уединения вокруг дома сестры во все еще приличные и безопасные районы Вашингтона, потом в те, где битвы между полицейскими и преступниками еще не закончились, и, наконец, туда, где тонкая синяя полоска так и не смогла захватить плацдарм.

Шестой район, он же 6-Р, в хитро напиленной вотчине столичной полиции. Если б Мейс получала по сотне баксов за каждый раз, когда она сталкивалась там с диссоциативными¹¹ зомби, бегущими голышом по ночным улицам с дикими

---

¹¹ От диссоциативов – класса психоактивных веществ, нарушающих восприя-

воплями, она не переживала бы об утраченной полицейской пенсии. Некоторые кварталы 6-Р состояли из заколоченных домов, полуразрушенных зданий и остовов машин. По ночам здесь практически на каждом перекрестке случалось что-нибудь плохое, а пули летали так же повсеместно, как москиты. Все честные трудолюбивые граждане – которые все же составляли большинство в этом районе – предпочитали наглухо закрывать двери и не высовываться.

Даже при свете дня люди на улицах украдкой поглядывали по сторонам. Как будто знали, что жало из никелированного «Глока» со спиленным номером или разрывная пуля из новехонькой «пушки», ищущей свою первую жертву, уже в пути. В воздухе пахло тоской, а солнечный свет с трудом пробивался сквозь толстый – гуще любого смога – покров безысходности.

Мейс притормозила и стала разглядывать людей, идущих по тротуару. Уровень убийств в округе Колумбия namного снизился по сравнению с концом 80-х и началом 90-х, когда молодые наркодельцы, коронованные отросшими щупальцами эпохи «крэка», наслаждались своим царством страха. В то время тела падали на землю в среднем раз в день, каждый Божий день, включая воскресенья. Однако и сейчас судмедэксперт заполнял свидетельства о смерти примерно двум сотням в год, в основном молодым афроамериканцам, так что территорией без насилия назвать этот район было слож-

---

тие внешнего мира и приводящих к нарушению нормальной работы сознания.

но. Мужчины, жившие здесь, жаждали уважения и, похоже, верили, что добиться его можно лишь с помощью девяти-миллиметровых пуль. И, возможно, они были правы.

Мейс остановила мотоцикл, сняла шлем и встряхнула волосами, избавляясь от статики. В норме заявляться сюда на роскошном байке было плохой идеей что днем, что ночью, особенно если ты белый и без оружия. Однако никто не тревожил Мейс, даже не приближался. Возможно, люди считали одинокую женщину не того цвета, да еще на «Дукати», психованной и готовой, чуть что не так, взорваться не хуже террориста-смертника.

– Мейс, привет! Это ты?

Она развернулась на сиденье.

К ней шел мужичок, невысокий и тощий, как палка, с гладко выбритой головой. На ногах у него были двухсотдолларовые кроссовки «Леброн Джеймс», но без шнурков.

– Эдди?

Он подошел и посмотрел на байк.

– Зачетная хреновина. Слышал, ты за решеткой была...

– Я вышла.

– Когда?

– Пять секунд назад.

– Душечка, верно? Первая ходка, а? – Он ухмыльнулся.

– Да, два года. Приблатненной я не стала, не надейся.

– Мой младший брат уже заработал десятку, а ему только двадцать пять. Братишке не досталось этого дерьма с семей-

ным судом. Тяжкое время, – гордо добавил он.

– Сколько человек он убил?

– Двоих. Но эти козлы сами напросились.

– Само собой. Ну мне и двух лет хватило.

Эдди похлопал «Дукати» по бензобаку и ухмыльнулся, демонстрируя такие ровные и белые зубы, что от них за метр разило коронками; должно быть, заключил удачную сделку или, может, обменял их на какие-нибудь рецептурные таблетки. Если тебя здесь заметят за трепом с полицейским, даже бывшим, это не пойдет на пользу здоровью. Тем не менее Эдди был всего лишь третьеразрядным подонком, уличной шушерой. Не слишком умен и без особых связей, его бизнес – сбывать пакеты с «травой», пару доз «крэка» или горсть краденых таблеток. Здешние серьезные игроки знали это, равно как и то, что Эдди ничего не знает об их деятельности и ему нечего продать копам. Однако Мейс удивляло, что Эдди еще жив. Тупиц и слабаков в этих районах убирали с исключительной эффективностью. А вдруг его связи лучше, чем она думала? Тогда он может оказаться полезен...

– Район не изменился?

– Некоторые вещи, Мейс, не меняются. Сегодня видишь парня, а завтра – уже нет. Сама знаешь, как это бывает.

– Я знаю, что меня кто-то подставил.

Его улыбка поблекла.

– На этот счет не в курсах.

– Ну да, но, может, ты в курсе, кто что-нибудь знает...

– Подруга, ты уже не при делах. Не стоит оглядываться. Можно увидеть там такое, что тебе ни в жисть не понравится. Да и потом, твоя сестрица уже отправляла сюда своих парней, они тут все прочесали частым гребнем. Черт, да они на прошлой неделе тут были.

– Здесь? И что они делали?

– Вопросы задавали, расследование, типа... Слышь, а круто иметь в семье начальника полиции, а? «Холодные» дела на самом деле никогда не остывают. Но точно говорю, кое-какого дерьма на нее все равно за это вылили. Не все любят главного полицая, Мейс.

– Какого дерьма?

– А мне откуда знать? Я просто мимо хожу, по улицам.

– Ее парни говорили с тобой?

Он кивнул.

– И я сказал им правду. Я ничего ни о чем не знаю. – Он снова похлопал по бензобаку мотоцикла. – Эй, а можно я возьму эту штуку покататься?

Она убрала его руку с «Дукати».

– Знаешь, Эдди, есть такая старая поговорка: иногда приходится возвращаться, чтобы идти дальше.

– Кто бы это ни сказал, он точно не отсюда.

Мейс посмотрела на его ветровку, на то, как он прижимает левый локоть к боку и как чуть заметно клонится под собственным весом содержимого кармана.

– Слышь, бро, если хочешь носить пистоль, чтобы его не

заметили копы, тебе стоит потренироваться стоять ровнее и расслаблять руку.

Эдди взглянул на свой левый карман, потом посмотрел на Мейс и ухмыльнулся.

– Забочусь о своей защите.

– Если что услышишь, дашь мне знать.

– Угу, – протянул Эдди, уже не сверкая коронками.

Мейс неторопливо ехала по району, привлекая внимание людей, сидящих на крылечках своих домов, стоящих кучками на улице или высывающихся из окон. Здесь часто смотрели по сторонам, обычно чтобы увидеть, в какую сторону движутся сирены.

Она объезжала улицы не только ради празднования своего освобождения. Она хотела поставить в известность кое-каких людей, что Мейс Перри не только пережила тюрьму, но вернулась на свое старое место, пусть даже без значка, пистолета и сил столичной полиции за спиной.

Но слова Эдди встревожили ее. Бет явно продолжала расследование уже после того, как Мейс отправилась в тюрьму, расходуя на это скудные ресурсы полиции. Есть люди, которые могут воспользоваться этим, если захотят подкопаться под Бет. Сестра уже достаточно сделала для Мейс.

Наконец она развернулась и направилась назад, к дому. Когда подъезжала к барьерам, один из копов-охранников махнул ей. Мейс остановилась и подняла щиток шлема.

– Да? – сказала она мужчине, молодому полицейскому с

короткой стрижкой; по его виду сразу было ясно, что он цыпленок, то есть новичок.

«Сидите на них, пока не вылупятся».

Мейс вспомнила своего ПО, полицейского-инструктора. Он был ветераном, «тихоходом», который хотел отработать свою смену как можно глаже и вернуться домой целым. Как и многие копы того времени, он не любил женщин в своей патрульной машине и имел простые правила: не трогай рацию, не просись за руль и не жалуйся, если заезжаем на «стачку» (так копы называли место сбора, обычно парковку, где ставили рядом свои патрульные тачки и отдыхали, дремали, слушали музыку или занимались бумажной работой). Однако самым главным правилом ее ПО было: просто заткнись ко всем чертям собачьим.

Она пережила месяц этих поездок, потом получила от сержанта отметку «подготовлена» и право действовать самостоятельно. С этого дня позывным Мейс стало «10-99», что означало полицейского, работающего в одиночку.

– Я так понял, вы сестра Шефа.

– Верно, – ответила Мейс, не желая развивать тему.

– Вы были в тюрьме?

– И снова верно. У вас есть еще личные вопросы или этих двух хватит?

Он отступил.

– Слушайте, я просто интересуюсь.

– Верно, просто интересуешься. А с чего такому молодому

жеребчику таскать барьеры? Тебе же положено бегать, стрелять, арестовывать и ходить в суд, чтобы купить новый телик или красивые бирюльки для своей подружки.

– Ну да, вроде того... Эй, замолвите за меня словечко перед Шефом.

– В таких делах моя помощь ей не нужна. Тебе нравится быть копом?

– Пока что-нибудь получше не подвернется.

У Мейс застрял комок в горле. Она отдала бы все на свете, чтобы только снова надеть форму.

Полицейский закрутил на пальце свою кепку и ухмыльнулся, наверняка думая, не назначить ли Мейс свидание.

Мейс процедила сквозь зубы:

– Дам тебе простой совет. Никогда не снимай кепку, если стоишь в охране.

Кепка замерла, парень уставился на Мейс.

– Это почему?

– По той же причине, по которой не стоит ее снимать, когда идешь за подозреваемым. Если на тебя прыгнет что-нибудь большое и волосатое, тебе будет нечем доставать пистолет. Птенец.

Она переключила скорость, подняла мотоцикл на заднее колесо и, едва не задев ногу вовремя отскочившего копа, с ревом заехала в гараж.

Глава 8

Сестра ждала ее в кухне, уже переодевшись в свежую форму. На столе лежала стопка документов.

– Домашняя работа? – спросила Мейс.

– Сводка за сутки, отчет об убийствах, нарезка новостей, обзор к совещанию по внутренней безопасности. Все как обычно.

– Тебе идут четыре звезды, – заметила Мейс и почесала за ухом Слепыша, который сопел рядом.

– Как покаталась?

– Не так интересно, как надеялась.

– Я надеялась, что ты разочаруешь меня и не поедешь в Шесть-Р.

– Прости, что не стала тебя разочаровывать, – бросила Мейс, налила себе чашку кофе и уселась за стол. – Я видела Эдди Минора.

– Кого?

– Одного мелкого подонка, – пояснила Мейс. – Он сказал, твои парни были там на прошлой неделе и задавали вопросы по поводу моего дела.

Бет отложила папку, которую держала в руке.

– Так, и что?

– Ты все еще работаешь над этим делом?

– Я работаю над всеми делами, где не удалось добиться

правосудия.

– Эдди сказал, что ты можешь здорово разозлить этим кое-кого наверху.

– Да ладно. Ты прислушиваешься к рассуждениям какого-то уличного бандита о политике округа Колумбия?

– Так речь идет о политике?

– Я уже позабыла, что у тебя склонность воспринимать все слова буквально.

– Поэтому у тебя усиленная охрана?

– В каком смысле?

– На тебя начали охотиться, потому что ты не хочешь закрывать это дело?

– Если кто-нибудь из городских шишек решит, что я слишком усердствую над твоим делом, он точно не прикажет пристрелить меня. У них хватает других возможностей.

– Тогда к чему дополнительная охрана?

– Угроз стало немного больше обычного. И некоторые из них звучат убедительно, поэтому было принято решение ввести лишние меры предосторожности. Мне это не нравится, но пришлось смириться.

– И откуда исходят эти убедительные угрозы?

– Не напрягайся. Хотела бы я все эти годы получать по доллару за каждую угрозу убить меня...

– Бет, достаточно всего одной.

– За мной приглядывает толпа народу.

– Ну ты только что добавила к команде еще одного чело-

века.

– Нет! Ты должна сосредоточиться на себе.

– Бет...

– Сосредоточься на себе.

– Ладно, и какие у меня есть варианты? – резко спросила

Мейс.

– У тебя их не много.

– Я спрашивала не об этом.

Бет откинулась на спинку стула и потыкала пальцем в свой «Блэкберри».

– Ты признана виновной в преступлении приотягчающих обстоятельствах – использовании огнестрельного оружия. Сейчас ты на пробации. Разумеется, с таким грузом ты больше не можешь быть копом.

– Кто-то похитил меня, накачал метамфетаминовым коктейлем хрен знает с чем еще и заставил участвовать в вооруженном ограблении, пока я ни черта не соображала.

– Я это знаю, ты знаешь, но суд пришел к другому заключению.

– Присяжные и судья попали под каток слишком усердного прокурора, который нацелился на меня и на тебя.

– Этот чересчур усердный прокурор сейчас возглавляет прокуратуру.

Мейс побледнела.

– Что?

– Месяц назад генеральный прокурор назначил Мону

Данфорт исполняющей обязанности окружного прокурора округа Колумбия.

– Окружным прокурором? Это же была папина должность.

– Она самая, – с отвращением подтвердила Бет.

– Ее назначил генпрокурор? Я думала, такие назначения предлагает президент, а потом утверждает Сенат.

– Генпрокурор назначил Мону на сто двадцать дней. Если за это время президент не предложит постоянную кандидатуру, а Сенат утвердит ее, право назначения перейдет к окружному суду. Проблема в том, что генпрокурор, президент и люди из окружного суда обожают Мону. И получается, она идеально подходит для этой должности, как ни крути. Я думаю, президент со дня на день официально предложит Мону. А после этого утверждение Сенатом – чистая формальность.

– Поверить не могу, что эта женщина получит самую большую окружную прокуратуру в стране... Из всех прокуроров, которых я встречала, у нее хуже всего с моралью.

– Она все еще вопит, что ты получила слишком легкий приговор благодаря своим связям. Имеет в виду меня, разумеется. И если б нам не удалось обжаловать приговор, она бы сейчас не вопила, а злорадствовала.

– Ей самое место в тюрьме. Сколько раз она не замечала фальсифицированных доказательств или исчезнувших улик, если они не соответствовали ее линии обвинения? Сколько

раз она сидела и выслушивала лжесвидетельства под присягой, лишь бы они подходили ее взглядам на дело?

Бет засунула «Блэкберри» в карман.

– Где доказательства, сестричка? Слухи тут не годятся. Она держит в кулаке всех, кто может помешать ей вскарабкаться по лестнице.

Мейс, уронив голову на руки, застонала:

– Должно быть, это параллельный мир, где Супермен – зло... И как мне от этого избавиться?

– От этого не избавишься. Ты просто учишься идти другим путем.

Мейс посмотрела на сестру в щель между пальцев:

– Значит, на тебя давят Мона и ее прикормленные тяжеловесы?

– Мона никогда не была моим поклонником.

– Ответ однозначно положительный, я так понимаю.

– Я с этим справлюсь.

– Но лучше бы отложить попытки выяснить, кто меня подставил.

– Для кого лучше? Для бандитов? Для Моны? Мне плевать на все это дерьмо. Никто не запретит полиции расследовать преступления. И если нам повезет и удастся прихватить мерзавцев, твою судимость вычеркнут, ты получишь официальные извинения и сможешь вернуться в полицию.

– Извинения? От кого, от Моны?

– Не надейся.

– Ладно, так мы обсуждали мои возможности...

– Тебе запрещена любая деятельность, требующая доступа к закрытой информации, что отрубает тебе большинство возможностей в этом городе, а обычные рынки труда сейчас в глубокой заднице.

– Если ты пытаешься поднять мне настроение, прекращай, пока я не воткнула себе в сердце вилку, раз уж мне больше нельзя носить пистолет.

– Ты спрашивала о вариантах. Я их перечисляю.

– Пока я не услышала ни одного. Ты рассказываешь, чего я не могу.

Бет толкнула к ней лист бумаги.

– Вот это ты сможешь.

Мейс посмотрела на бумагу.

– Доктор Эйбрахам Альтман? Я его помню.

– И он тебя помнит. Не много найдется профессоров колледжа, которым удалось досадить самым гнилым наркоторговцам из Девятого района.

– Это точно. Хороший парень, просто занимался исследованиями городских проблем. Но люди из ГН-12 смотрели на это по-своему и поехали в Джи-таун огорчить его.

– И тут появилась ты и спасла его задницу.

– Ты продолжала общаться с ним?

– Меня пригласили прочесть лекцию по уголовной юриспруденции в Джорджтауне, когда ты была в Западной Вирджинии. Там мы с ним заново встретились.

– И при чем тут я?

– Он ищет ассистента-исследователя.

Мейс вытаращилась на сестру.

– Бет, я даже колледж не закончила. Моя «выпускная работа» – шестнадцать недель в полицейской академии, так что вряд ли я сойду за образцового научного работника.

– Он занимается исследованиями городских проблем, особенно в бедных и опасных районах Вашингтона. Я не думаю, что он сможет найти более квалифицированного помощника, чем ты. Кроме того, Альтман получил на исследования большой федеральный грант и сможет хорошо тебе платить. Сегодня вечером он будет дома. Около семи, если тебе подходит.

– Ты все это устроила?

– Я только предложила такой вариант Альтману. Он и так на втором месте в списке твоих фанатов.

До Мейс не сразу дошло, как нужно интерпретировать эту фразу.

– В смысле, ты – на первом?

Бет встала.

– Мне пора бежать. Нужно заслушать свидетельские показания и...

Ее мобильник загудел. Она ответила, выслушала и убрала телефон.

– Планы меняются.

– В чем дело?

– Только что сообщили. Какая-то серьезная дама-юрист выпала из холодильника в своей фирме. Носилкам уже позвонили, – добавила она, подразумевая «Скорую». – Преступник, очевидно, давно скрылся.

Мейс выжидающе смотрела на сестру.

– Что? – спросила Бет.

– Мне нечем заняться.

– Так расслабься, поспи на настоящей кровати. В холодильнике есть «Роки Роуд»¹². Нарости немного мяса на свои кости.

– Я не устала. И не изголодалась. По крайней мере, по еде.

– Ты что, хочешь на место преступления?

– Спасибо, Бет. Я поеду за вами на байке.

– Притормози. Я не говорила, что разрешаю.

– Я просто предположила.

– Мейс, никогда не предполагай. Это главное, чему научил нас папа.

– Я не буду вам мешать. Клянусь. Мне... мне просто... Бет, мне этого не хватало.

– Извини, не думаю, что это хорошая идея...

Мейс оборвала ее:

– Ладно, забудь. Ты права. Я поем «Роки Роуд», а потом вздремну. И попробую не умереть от возбуждения.

Она пошла прочь, повесив голову и опустив плечи.

– Ну хорошо, хорошо, можешь поехать, – неохотно сказа-

---

¹² Разновидность десерта (бисквит, молочный шоколад и зефир).

ла Бет. – Но держи рот на замке. Ты невидима. О'кей?
Вместо ответа Мейс рванулась к своему мотоциклу.
– И прекращай кукситься, – крикнула вдогонку Бет.

Глава 9

Рой Кингман тридцать один раз подряд забросил мячик в кольцо на двери. Через несколько минут после того, как он позвонил в 911, в офисе было полно полиции. Ему все еще казалось невероятным, что он пошел за кофе, открыл холодильник и подхватил выпавшее тело Дианы Толливер. Куча людей – некоторые в форме, некоторые нет – задали ему кучу вопросов. Тем временем на работу приезжали другие юристы, и между ними быстро расходились слухи о несчастье. Несколько партнеров и пара приятелей зашли повидаться, ободряя, сочувствуя, задавая удивленные или испуганные вопросы. Один из юристов даже подозрительно поглядывал на Роя.

Копы не стали ему ничего рассказывать. Кингман не знал, сколько времени прошло с момента убийства Дианы. Он даже не знал причины ее смерти. Он не заметил на теле ни крови, ни ран. Хотя в бытность свою адвокатом по уголовным делам Рой защищал убийц и повидал немало фотографий аутопсии, он все равно не мог назвать себя экспертом по насильственным смертям.

Кингман посмотрел на свой стол, заваленный текущей работой, и отвернулся. Клиенты подождут. Рой не был близким другом Дианы Толливер, но они работали вместе, и она ему нравилась. Она многому его научила. А теперь кто-то убил

ее и засунул в холодильник рядом с контейнером со вчерашним салатом...

Рой покатал в ладони резиновый мячик, замахнулся и плавно забросил в корзину тридцать второй. Он летел точно в цель. Но дверь распахнулась, и вместо кольца мяч попал в лоб Бет Перри. Та нагнулась, подобрала мяч и бросила его Рою. Тот растерянно вскочил и, разинув рот, уставился на ее четыре звезды. Правда, он узнал ее и без знаков различия. Начальник полиции округа Колумбия всегда был на виду у средств массовой информации.

Следом за ней в кабинет вошли ее люди. Последний прикрыл за собой дверь. Этим последним была Мейс, которая из всех сил старалась не выделяться из толпы. Бет представилась и назвала пару своих подчиненных. Она уже опросила нескольких людей и осмотрела тело. Помимо Роя, других свидетелей не было – по крайней мере, их не удалось найти. Парамедики предварительно зафиксировали смерть Толливер, а официальное заключение должен был дать судмедэксперт, которого ждали с минуты на минуту.

Два детектива делали заметки, а Шеф гоняла Роя по утренним событиям, попутно выясняя, что он знал о покойной. Вопросы были уверенными, методика – образцовой. Разумеется, не случайно: Шеф два года проработала в отделе по расследованию убийств.

В конце концов Рой поинтересовался:

– Мэм, вы всегда лично ведете допросы? Я думал, у вас

хватает дел посерьезнее. – И тут же торопливо добавил: – Не считите за обиду, конечно.

Мейс, стоящая в глубине комнаты, улыбнулась. Бет тоже.

– Я предпочитаю быть поближе к земле, – сказала Шеф. –

Так вы были в уголовной адвокатуре?

– Верно.

– Вам там не понравилось?

– Здесь мне нравится больше.

– Итак, вам неизвестны причины, по которым кто-либо желал причинить вред Диане Толливер?

– Не могу придумать ни одной. Она была не замужем. Временами встречалась с кем-то, но ничего серьезного – по крайней мере, мне – она не рассказывала.

– А она обсуждала с вами такие темы?

– Вообще-то нет, – признал Рой.

– Вы тоже бывали с ней на несерьезных свиданиях?

– Нет. У нас были другие отношения. Ну и... она намного старше меня. Была.

– Сорок семь.

– Верно. А мне только будет тридцать.

– О'кей. Продолжайте.

– Ее клиентами были в основном крупные компании, большинство – иностранные. Она много ездила. Мы оба ездили. Она ни разу не упоминала о каких-то проблемах.

– Когда вы сказали «оба ездили», вы имели в виду вместе?

– Иногда – да.

– Куда, к примеру?

– У нас есть офис в Лондоне и еще один в Дубае.

– Офис в Дубае?

– Много предприятий, крутится куча денег. Им нужны юристы.

– Она обычно работала допоздна?

– Временами. Я тоже иногда остаюсь.

– Вы когда-нибудь работали вечером вместе?

– Несколько раз.

– Сегодня утром вы пришли первым? Примерно в семь тридцать?

– Да. По крайней мере, я больше никого не видел.

– У офиса вашей компании есть охранная система?

– Ага. У каждого из нас есть своя карточка, так что система точно скажет вам, когда именно Диана вошла.

– И когда именно вошли вы, – слышался голос из задних рядов.

Все разом повернулись и уставились на Мейс, которая покраснела, не успев еще закончить фразу. Ее сестра нахмурилась и вновь обернулась к Рою, не отрывающему взгляда от Мейс. Его пальцы стискивали резиновый мячик.

– Но чтобы выйти из офиса поздним вечером, карточка не требуется, верно? – спросила Бет.

– Нет, дверь открывается кнопкой.

– И в рабочее время система, разумеется, отключена?

– Верно, – подтвердил Рой.

– Лифт в гараже не требует карточки?

– Да, но чтобы заехать в гараж, карточка нужна.

– Если вы на машине.

– Ага, это дырка в системе безопасности, и мы о ней знаем.

– Большая дырка, – заметила Бет, вглядываясь в Роя.

Он поерзал на стуле.

– Слушайте, я что, подозреваемый?

– Мы просто собираем информацию.

Рой побагровел.

– Я позвонил в «девять-один-один». Я держал ее чертово тело в своих руках. Я просто шел выпить кофе. И у меня не было ни одной причины убивать ее.

– Мистер Кингман, со временем мы во всем разберемся. А пока успокойтесь, пожалуйста.

Рой перевел дыхание.

– Хорошо. Вам что-нибудь еще от меня нужно?

– Нет, но я уверена, у детективов еще будут кое-какие вопросы. Надеюсь, вы не собираетесь в ближайшее время лететь в Дубай? – без улыбки спросила она.

– Вряд ли.

Бет поднялась со стула.

– Превосходно. Давайте на этом и остановимся. Мы будем на связи.

Все вышли. Мейс задержалась, пока остальные исчезали в коридоре.

Рой уставился на нее.

– Я могу чем-то помочь?

– Не знаю. Вы ее убили?

Рой встал, нависнув над ней.

– Вы коп?

– Нет, просто слоняюсь вместе с ними ради развлечения.

– Вы думаете, убийство – это развлечение? Вы что, со сдвигом?

– Ну если смотреть с такой стороны – наверное, да, в какой-то мере.

– Мне нужно заняться работой, – сказал Рой и взглянул в сторону двери.

Вместо того чтобы выйти, Мейсхватила из его руки резиновый мячик, плавно развернулась и забросила его точно в кольцо.

– Хорошая техника, – заметил Рой.

– Женская команда в старших классах. В мой выпускной мы выиграли чемпионат штата.

Он оценивающе посмотрел на нее.

– Дайте-ка догадаюсь... Вы были разыгрывающим защитником, который может забивать, а может выдать пару грязных уловок, вплоть до жесткого фолла.

– Вы меня впечатляете.

– А вы меня – нет.

– Что?

– Вы только что практически обвинили меня в убийстве. Так почему бы вам не убраться ко всем чертям из моего ка-

бинета?

– Хорошо, я уже ухожу.

– Лучшая новость за весь сегодняшний день.

Глава 10

Главное управление полиции округа Колумбия располагалось на Индиана-авеню, неподалеку от здания Верховного суда округа. Оно носило имя Генри Дж. Дэли, сержанта из отдела по расследованию убийств с двадцатилетней выслугой, застреленного преступником в этом самом здании. У многоэтажного строения постоянно сновали туда-сюда люди в форме. Еще больше людей в обычной одежде слонялись поблизости, дожидаясь слушания в суде или прохладяясь, пока их родные и знакомые проводят время с копами в Управлении. В Дэли-Билдинг располагались также инспекции по надзору за условно-досрочно освобожденными и Департамент регистрации транспортных средств. Все это в значительной степени гарантировало, что ни один посетитель не испытает особой радости от этого места.

Кабинет начальника полиции находился в охраняемой зоне, и попасть туда можно было, только миновав запертые двери и кучу выгородок, где сидели люди, привыкшие носить на работу оружие. Сам кабинет располагался в углу этажа, за дверью с кодовым замком. Комната была большой, с красивой лепниной и двумя окнами. На полках вдоль стены стояли кружки с полицейской символикой и фуражки, мягкие игрушки и стопки газет и официальных отчетов. У одного окна возвышался американский флаг. Рядом размеща-

лась небольшая зона отдыха с красивым набором шахмат на журнальном столике. На шарнирной консоли висел плазменный экран. Здесь же стоял большой деревянный стол, который за долгие годы повидал немало. Его столешницу покрывали бесчисленные круги от чашек с кофе и несколько сотен вмятин от раздраженных ударов кулаком.

Бет уселась на «стороне Шефа», Мейс – напротив.

– Я рискнула поверить в тебя и разрешила ходить с нами, – произнесла Бет, глядя на стопки папок и телефонных сообщений на столе. – По-видимому, я допустила ошибку, решив, что ты в состоянии держаться тихо и незаметно. Сама не знаю, как это мне пришло в голову, учитывая тысячи предыдущих случаев.

– Оно само вырвалось. Прости, пожалуйста.

Бет указала на телефонные сообщения:

– Твое «вырвалось» уже привлекло кучу внимания. Сам мэр хочет знать, каким образом только что освобожденному преступнику разрешили попасть на место преступления, и неважно, кто тут чья сестра.

– Бет, мне очень жаль. Я сама не знаю, почему ляпнула это.

– Отправляйся вечером к Альтману и договорись с ним о работе.

– Он все еще в Джи-тауне? Ты дала мне адрес в Маклейне.

– Он в академическом отпуске, это его домашний адрес.

– В Маклейне?.. Славное местечко. Наверное, профессо-

рам сейчас хорошо платят.

– Постой, ты что, не знаешь?

– Чего не знаю?

– Альтман – один из самых состоятельных людей в наших краях.

– И как он заработал деньги?

– Он их не зарабатывал.

Мейс с любопытством посмотрела на сестру:

– То есть?

– Ты вроде была неплохим детективом? Вот и разберись, – ответила Бет и указала на дверь: – А теперь выметайся. Мне нужно поиграть в начальника полиции.

Мейс направилась к двери, потом обернулась:

– Прости насчет сегодня, сестричка.

Бет улыбнулась.

– Если это все, о чем мне сегодня нужно беспокоиться, день будет на редкость удачным.

– А как же Мона и мэр?

– Мэр – хороший парень. С ним я смогу договориться.

– А Мона?

– Мона может пойти и трахнуть себя.

Замок двери щелкнул, и в кабинет заглянула помощница Бет, лейтенант Донна Пирс.

– Шеф, они пришли на встречу.

– Впусти их.

Дверь широко открылась. В кабинет вошел седовласый

мужчина в полосатом, пошитом на заказ костюме. Следом неловко ковылял другой мужчина в сером мешковатом костюме и с пухлым портфелем в руке.

Седой господин протянул руку.

– Давненько не видались, Бет.

– Безумное расписание, Сэм.

– Привет, Шеф, – произнес Джарвис Бёрнс, подошедший следом.

– Вряд ли вы встречались с моей сестрой Мейс. Мейс, это Сэм Доннелли и Джарвис Бёрнс.

Доннелли изучающе посмотрел на Мейс.

– Честно говоря, удивлен, что раньше мы ни разу не сталкивались.

– Я некоторое время отсутствовала.

– Я в курсе. Ваш случай – явный произвол прокуратуры. Это мое личное мнение, – поспешно добавил он. – Не для протокола.

– Мы знаем, что президент обожает Мону, – угрюмо заметила Бет.

– И я служу по его усмотрению, – добавил Доннелли.

Мейс вопросительно посмотрела на него, и Бет пояснила:

– Сэм – директор Национальной разведки.

– Верно, но всю серьезную работу делает Джарвис, – уточнил Доннелли.

– Я просто стараюсь, чтобы все играли слаженно.

– Ну тогда займитесь этим с Бет.

– Приятно было познакомиться, Мейс, – сказал Доннелли.

Бёрнс уже открывал портфель, но Доннелли провожал взглядом Мейс, пока та не исчезла за дверью.

– Ее только выпустили, верно? – спросил он, усаживаясь за маленький конференц-стол Бет.

– Да.

– Какие планы?

– Кое-какая работа на подходе.

– Надеюсь, у нее все сложится.

– Не сомневаюсь.

Глава 11

Когда Мейс вышла из здания, двое патрульных полицейских, старший и младший, восхищенно разглядывали ее «Дукати».

– Классный байк, – сказал старший, когда Мейс скользнула на сиденье.

– Да, так и есть, – ответила она.

– «Дукати»? – спросил полицейский, глядя на выписанное название.

– Итальянская разработка, уличная машина. Стоит хоть раз сесть на нее, и ты начинаешь о ней мечтать.

Младший коп оценил взглядом поджарую, стройную фигуру Мейс, ее симпатичное лицо и ухмыльнулся:

– Не хочешь как-нибудь вечером покатать меня? Может, мы разделим мечту...

– Возвращайтесь к своим обязанностям! Хватит тратить время на болтовню с бывшими преступниками.

Голос так рявкнул, что вздрогнули все – и Мейс, и патрульные. А когда она увидела, кому принадлежит этот голос, ее рука непроизвольно потянулась к тому месту, где раньше всегда висел пистолет.

Женщина двинулась вперед, и оба копа мигом исчезли.

Мона Данфорт выглядела как обычно: дорогой костюм-двойка от «Армани» и прижатый к стройной ноге

пухлый портфель, в котором наверняка уместались судьбы нескольких целей ее профессиональных амбиций. Вдобавок ко всему Мона была высокой, исключительно красивой и еще не разменяла четвертый десяток. Завитки ее светлых волос вокруг лебединой шеи, неохотно признала Мейс, заставили бы большинство парней пускать слюни. Ноги Моны были едва ли не длиннее всей Мейс. Она закончила Стэнфордскую юридическую школу¹³, где, разумеется, была главным редактором юридического обозрения. Она вышла замуж за шестидесятипятилетнего мультимиллионера, который жил в Нью-Йорке. Тот обеспечил ей всю финансовую поддержку, которая могла потребоваться, и особо не путался под ногами. Сама Мона жила неподалеку от Пенн-Куотер, в шикарном пентхаусе с крытой террасой, который ей купил муж. Но истинной причиной лютой ненависти Мейс была не внешность Моны, не ее деньги и не власть, хотя все это тоже ложилось в корзинку.

Должность окружного прокурора округа Колумбия – лишь еще одна ступенька лестницы, по которой лезет эта женщина. Мейс слышала, что Мона распланировала всю свою жизнь: немного поработать окружным прокурором в Вашингтоне, следом получить должность генерального прокурора США, дальше – апелляционный суд, а затем – глав-

---

¹³ Высшее учебное заведение при Стэнфордском университете; считается одним из трех лучших среди юридических вузов в США и одним из самых престижных в мире.

ный приз – пожизненное назначение в Верховный суд Соединенных Штатов. Когда она бралась за дела и выигрывала их, выкручивая в процессе все правила, пока те не ломались от напряжения, Мона набивала себе карманы всеми видами политического покровительства, которые потребуются для удовлетворения ее амбиций.

Ее уже приглашали на ужин в Белый дом, причем дважды. Ее муженек вложил большие деньги в избирательную кампанию нынешнего президента. Бет Перри, достигшая вершины профессиональной карьеры тяжелым трудом, выкладываясь на все сто и при этом играя по правилам, не была приглашена туда ни разу. И это по-прежнему терзало младшую сестру Бет.

Мона остановилась и уставилась на Мейс, которая сидела на «Дукати», повесив шлем на руку.

– Господи, – произнесла она. – Как же ты паршиво выглядишь... Я всегда считала, что ты не такая крутая, как думают люди, и вижу теперь, что не ошиблась. Черт, тебя заперли всего на два года, в обычный режим. Подумать только, в какую старуху ты превратилась бы, если б тебе выдали по полной... А ты получила всего двушку, просто шуточки. Радуйся, что старшая сестра все время крутилась рядом и держала твою потную ручонку.

Мейс натянула шлем и завела мотор. Потом подняла щиток и посмотрела на женщину:

– Меня не было двадцать четыре месяца, и за это время

ты дотянула всего лишь до и.о. окружного прокурора? Лапушка, ты, видно, запустила свои политические сношения. Нужно больше работать над собой, пока твоя мордашка еще на что-то годится.

Затем Мейс выжала сцепление и с ревом унеслась прочь. Она видела в зеркале, как госпожа И.О. стоит на краю тротуара и смотрит ей вслед. Вступать в перепалку – приходилось признаться – было глупостью, но на самом деле Мейс проявила чудеса выдержки. Больше всего на свете ей хотелось отыскать щепкодробилку, засунуть туда Мону и включить рубильник.

До встречи с богачом Альтманом у Мейс еще было время, и она точно знала, как хочет провести свой первый день на свободе. Она переключила «Дукати» на высокую передачу.

Мейс с ревом мчалась вдоль реки, где чайки падали вниз, выхватывая из грязного Потомака поблескивающие отбросы, потом расправляли крылья и взмывали в небо. Под теплым солнцем грелись памятники. Вокруг бродили туристы с картами в руках; агенты Секретной службы держались поблизости от Пенсильвания-авеню, 1600, оберегая президента. На Капитолийском холме сенаторы, члены палаты представителей и толпы помощников и златоустых лоббистов двигались в сложном и тщательно продуманном танце, который вел страну прямиком в грязь.

Этот город был больным, коррумпированным, безумным, раздражающим и высокомерным. Но Мейс все равно не мог-

ла сдерживать улыбку, когда «Дукати» нес ее мимо экскурсионного автобуса, везущего полный салон приезжих, с трепетом взиравших на часовни Тома, Эйба и могучий белый обелиск Джорджа.

Это был ее город.

Мейс Перри вернулась.

Глава 12

Рой Кингман сидел в кабинете управляющего партнера. Комната была не намного больше его собственной, хотя из окна открывался вид на реку. Честер Акерман был на несколько дюймов ниже Роя, а комплекция выдавала в нем человека, который любит хорошо и часто поесть. От шевелюры на крупной голове Акермана осталась лишь седая подкова, кончик выдающегося носа загибался вниз. Рой полагал, что Акерману примерно пятьдесят пять, хотя он внезапно сообразил, что точно сказать не может.

Акерман приносил в фирму больше контрактов, чем любой другой сотрудник. Рой всегда считал его резким, жестким и громкоголосым. Но сегодня Акерман был сам на себя не похож. У человека, сидящего сейчас напротив Роя, было потное лицо, дрожащие руки и слабый, ломкий голос.

Он качал головой из стороны в сторону:

– Поверить не могу в это дерьмо. Просто не могу поверить. Прямо здесь!

– Честер, успокойтесь.

– Какого хрена я должен успокоиться? Убийство за три двери от моего кабинета...

– Полиция занимается расследованием. Возможно, они уже отрабатывают какие-то следы.

Акерман поднял голову и уставился на Роя.

– Точно, ты же там работал, да?

– Где «там»?

– С копами.

– Я был адвокатом, так что на самом деле я выступал против них. Но знаю, как полиция работает на месте преступления. Мы сидим не где-нибудь, а в самой дорогой части Джорджтауна, так что они выложатся на всю катушку. Черт, сама Шеф приехала сюда и допрашивала меня.

– Рой, как думаешь, кто мог это сделать? – выпалил Акерман. Он выглядел так, будто до сердечного приступа осталось секунд десять.

– Представления не имею, – ответил Рой. – Я работал с Дианой, но как личность я ее практически не знал. Вроде бы вы с ней много общались, нет?

– Да нет, не особо. В смысле, она практически никогда не говорила со мной о своей личной жизни.

– Вы говорили с полицией? – спросил Рой.

Акерман встал и подошел к окну, заложив пальцы за полосатые подтяжки, которые он любил. Подтяжки вышли из моды где-то в девяностых, но Честер либо этого не заметил, либо просто наплевал на это.

– Угу. Они задавали мне вопросы. – Он обернулся к Рою. – И я сказал им то, что сейчас говорю тебе. Я напуган и ни черта об этом не знаю.

– Знаете, это могло быть просто случайностью.

– Какой еще случайностью? Ты о чем?

– Парень заходит следом за Дианой, убивает ее и уходит. Возможно, это было простое ограбление.

– Но у нас на входе сидит охранник.

– Нэд – не охранник, а смех один. Я сотню раз заходил утром в здание и нигде его не видел.

– Какого черта? За что мы тогда платим ему деньги?

– Если вы хотите получить настоящую охрану периметра, наймите серьезную фирму, которая пришлет тренированно-го охранника с оружием. Если сюда заявится злоумышленник, Нэд сможет разве что закидать его морожеными гамбургерами... – Рой встал со стула. – Нам нужно кому-нибудь позвонить?

Акерман озадаченно посмотрел на него.

– Позвонить?

– Ну да, родственникам или близким...

– А... Я уже сказал, чтобы этим занялись. Ее отец умер, но мать живет во Флориде, она на пенсии. Детей у Дианы не было. Она в разводе, но бывший муж живет где-то на Гавайях.

– И вы это только что выяснили?

– Что?

– Вы сказали, что мало знаете о личной жизни Дианы, но вот это все довольно много.

– Я узнал об этом сегодня! – отрезал Акерман.

Рой поднял руки в шутливом извинении:

– Ладно, я все понял. – Он направился к двери. – Не воз-

ражаете, если я уйду на остаток дня? Срочной работы у меня нет, ну и... сами понимаете.

– Конечно-конечно, иди. Подыши свежим воздухом.

– Спасибо.

– Рой, на что это было похоже? Когда ты нашел тело?

Кингман медленно повернулся.

– Надеюсь, вам никогда не доведется это узнать.

Глава 13

Рой подхватил пиджак, махнул на прощание секретарше, но вместо лифта пошел к лестнице. Полиция уже допросила Нэда, и сейчас тот сидел на своем крутящемся стуле. Испуг на лице охранника перемежался уколами другого чувства, которое Рой счел голодом.

– Эй, Нэд, как дела?

– Не очень, мистер Кингман.

Рой оперся локтями на мраморную стойку рецепции.

– Полиция уже расспросила тебя?

Нэд кивнул.

– И куда ты делся сегодня утром со своего места?

Во взгляде охранника появился налет враждебности.

– А я должен говорить с вами об этих делах?

– Если не хочешь, то нет, конечно.

– Похоже, это не особо важно. Все равно я мало что знаю, правда.

– Так ты видел, как Диана входила в здание?

– Не совсем.

– Ну, либо ты ее видел, либо нет.

– Я ее слышал.

– Слышал? А где ты был?

– Там, в комнате. Подогревал бургер в микроволновке. Он всегда остывает, пока я сюда дойду.

– И сколько было времени?

– Около шести. Я только заступил на дежурство.

– Но ты же ел бургер, когда я пришел. Через полтора часа.

– Ну я вроде как съедаю по пять бургеров за утро, но стараюсь их растягивать. Я – крупный парень, нужно все время подбрасывать топливо.

– Она вошла из передней двери или из гаражного лифта?

– Не знаю. Я же говорил, что не видел ее.

– Ладно... Так что же она сказала, когда вошла в вестибюль?

– Она сказала: «Привет, как дела?» И я крикнул в ответ, что отлично. А когда вернулся к стойке, она уже была в лифте.

– Ты уверен, что это был ее голос?

– Ага, я много раз ее слышал. Она обычно идет с кем-нибудь, когда выходит из здания, на обед или там по делам, и у нее довольно хриплый для дамы голос.

– Послушай, Нэд, тут возникает законный вопрос – если ты был в комнате и она не могла тебя увидеть, откуда ты знаешь, что она говорила с тобой? Скорее она здоровалась с кем-то, кто вошел в здание одновременно с ней.

– Я об этом не подумал, – озадаченно протянул Нэд.

– И этот человек, – продолжил Рой, – должен был войти в переднюю дверь. Если б она поднималась с ним на лифте из гаража, они уже поздоровались бы. Здесь только один гаражный лифт, так что он не успел бы уехать вниз и вернуться

за то время, пока Диана шла к внутреннему лифту.

– Мистер Кингман, я за вами уже не поспеваю.

– Когда она приходила, она часто здоровалась с тобой?

– Нет, не особо.

– И что это значит? Один раз, два, больше? Ни разу?

– Ну, в общем, ни разу.

– Ты слышал голос другого человека?

– Нет, но я же говорил, что возился с микроволновкой.

Она немного шумит. А потом громко звякает, когда все готово.

– Ну да, знаю.

Рой взглянул на камеры видеонаблюдения, висящие в каждом углу вестибюля.

– Полиция забрала записи?

– Они пишутся на DVD. Но нет, не забрала.

– Почему?

– Диск, который вставлен в центральную панель, давно закончился.

– А разве система не должна писать поверх старых записей, если диск заполнен?

– Нет, эта система работает по-другому. Она отключается, пока не вставят новый диск.

– Ну хорошо, а разве его никто не проверял?

Нэд покраснел.

– Я проверял. Ну то есть иногда. Но мне никто не сказал, как это делать правильно, и я не знал и боялся все испортить,

и перестал проверять.

– Что ж, тут ты прав... Ты действительно все испортил.

– Но я думал, – заскулил Нэд, – камеры тут просто для вида, типа пусть люди думают, что они под наблюдением. В смысле, это же я тут сижу и все охраняю.

– Учитывая события сегодняшнего утра, это весьма обнадеживающая охрана, – саркастично заметил Рой. – Ты видел, как кто-нибудь выходил из здания между приходом Дианы и моим появлением?

– Только пару человек, которые пришли. Всё как обычно.

– Кто-нибудь из «Шиллинга»?

– Вроде бы нет, я никого не узнал.

Рой испытующе посмотрел на Нэда.

– Может, у тебя был еще один перерыв?

– Нет, клянусь, я все время был здесь... Ладно, я читал, но я не пропустил бы человека, который идет мимо. Вестибюль не такой большой.

«Это правда, – подумал Рой. – И любой человек, который выйдет из гаражного лифта, пройдет прямо перед постом охраны».

– Так ты говоришь, что не видел, как кто-либо выходил?

– Точно. Люди только заходили. В смысле, это ж было рано, кому понадобится выходить?

«Как минимум одному человеку, – подумал Рой. – Убийце».

– И ты сказал об этом копам?

– Ну да, я все им рассказал.

– Твоя фирма хорошо застрахована?

– А мне-то откуда знать?

– Ну на твоём месте я это выяснил бы, потому что твой прокол seriously навредил крупной юридической компании. И не забывай: они могут подать на тебя в суд, даже не нанимая юриста.

– Иисусе... думаете, они станут? Но не могут же они... Я же просто охранник, у меня вообще нет денег.

– Двери суда, Нэд, открыты для каждого. Блин, они могут привлечь тебя просто ради удовольствия.

Рой вышел на солнечный свет. Кто бы ни убил Диану, он должен был войти вместе с ней в лифт. И, возможно, эта личность не ушла, а осталась где-то в здании. И до сих пор остаётся здесь, работает в соседнем офисе...

«Или в моем офисе».

Диана приехала примерно за девяносто минут до него. Была ли она убита сразу, а убийца исчез задолго до появления Роя? Или это произошло за несколько минут до его прихода? Или когда он уже сидел в своём кабинете и ничего не услышал? Рой попытался вспомнить, насколько остывшим было тело Дианы. Без толку. Провела ли она в холодильнике два дня или полчаса, на ощупь её тело было достаточно холодным. Может, судмедэксперт справится с этой задачей лучше...

– Судя по вашему виду, вы здорово над чем-то задума-

лись.

Рой обернулся и встретился взглядом с Мейс Перри, сидящей на своем «Дукати».

Глава 14

– Зачем вы вернулись? – спросил Рой, подойдя ближе.

– А откуда вы знаете, что я уезжала?

– Из моего кабинета виден центральный вход. И последнюю пару часов я посматривал в окно. – Он оглядел «Дукати». – Я не пропустил бы такую машину.

– Послушайте, я знаю, что мы начали не с той ноги. И я вернулась попробовать еще раз.

По виду Роя было сложно сказать, склонен ли он принять это предложение, однако Кингман сказал:

– Я так и не услышал, как вас зовут.

– Мейс.

– Мейс? Это же оружие¹⁴, нет?

– Да, я оно и есть, – усмехнулась она.

– Да ладно. Так как вас зовут?

– Меня действительно зовут Мейс.

Он пожал плечами.

– О'кей.

Перри посмотрела на здание.

– Я видела, как вы говорили с охранником. Что он сказал?

Рой посмотрел на Нэда сквозь стекло.

---

¹⁴ Одно из значений английского слова *mace* – булава. Но в наше время вся Америка знает «Мейс» как торговую марку одного из первых аэрозолей для са-мозащиты.

– Не много. Он все прохлопал.

– Толливер могла подняться на лифте вместе с тем, кто ее убил. Нэд, вероятно, обжирался где-то в подсобке. Убийца сделал свое дело и либо вышел наружу, либо направился в другой офис в этом здании. Возможно, в свой кабинет в вашей юридической фирме.

– Это одна из версий.

– Могу предложить другую. Вы были тем, кто поднялся на лифте с Толливер. Она открыла дверь своей карточкой, поэтому записи о вас не осталось. Вы убили ее и засунули тело в холодильник. Потом спустились по лестнице и дождались, когда вернется охранник. Затем вошли в здание из гаражного лифта, как будто в первый раз, чтобы у него в голове отпечаталось время вашего появления. Поднялись в офис, немного посидели в кабинете, пошли на кухню, открыли холодильник, поймали бедную даму – что объяснит любые ее следы на вашей персоне и обратное, – а потом позвонили в полицию как бы взволнованным голосом.

Рой уставился на нее; его лицо потемнело.

– Это ваш способ начать все заново? Обвинить меня по второму разу?

– Я вас не обвиняю. Но вы юрист и знаете, что будет дальше. Вы были на месте преступления один, с мертвой женщиной. Рано или поздно копы выстроят ту же цепочку с вашим участием. Так что вам лучше подготовиться к ответам. Можете попрактиковаться на мне.

– А потом вы отправитесь обратно к копам и все им перескажете, чтобы они сразу могли заняться дырами в моем объяснении?

– Я же сказала вам: я не коп. И если вы говорите правду, им будет очень нелегко обвинить вас в убийстве.

– Ладно, я в игре. Я открыл ворота парковки своей карточкой. Это свидетельство того, что я приехал около семи тридцати. Поднялся на лифте в свой кабинет, немного поработал. Пошел за кофе – и нашел Диану. Я позвонил в «девять-один-один» в восемь ноль две. Записи охранной системы говорят, что она появилась в офисе примерно за полтора часа до меня. Я даже не знал, что она там.

– Пока недостаточно. Вы могли припарковать машину на улице, войти в гараж, дожждаться ее появления, подняться с ней на лифте, убить ее, выйти, завести машину в гараж – а дальше все идет по сценарию.

– Нэд сказал, что слышал, как Диана с кем-то поздоровалась. Это не укладывается в схему.

– И копы, и суд всегда скептически относятся к показаниям недоумков. Кроме того, вы могли прийти в указанное вами время, в семь тридцать, подняться на лифте, убить Толливер, засунуть ее в холодильник и позвонить копам. Куча времени.

– Хорошо, а какой у меня мотив?

– Я – пуристка¹⁵, когда дело доходит до расследования

---

¹⁵ Пуризм – повышенная требовательность к сохранению изначальной чистоты,

уголовных преступлений. В первую очередь я ищу возможность. Мотив обычно появляется позже. Но если он есть, копы его найдут.

– Так что же я должен делать? Хватать билет на самолет в страну, которая не имеет со Штатами договора об экстрадиции?

– Неа; думаю, все и так будет нормально.

Рой озадаченно посмотрел на нее.

– Думаю?

– У меня хороший нюх на убийц, а на вас мой нос даже не дернулся. Так где же вы играли в баскетбол?

– Откуда вы знаете, что я играл? Из-за кольца в кабинете?

– Отчасти дело в вашем росте, походке и манере, в которой вы разобрали мою карьеру.

– А другая часть?

– Я заметила у вас на столе ключи от «Ауди». Рядом со въездом в гараж стоит одна «Ауди», и я прикинула, что она ваша, раз вы приехали сюда в такую рань. На заднем сиденье лежат спортивная сумка, три баскетбольных мяча и четыре пары дорогих кроссовок, которые предпочитают только университетские или профессиональные игроки.

– «Вирджиния Кавальерс».

– Строго говоря, и это я уже знаю. У вас на заднем бампере большая клеваая оранжевая наклейка.

– Знаете, а вы очень похожи на начальника полиции.

– Она намного выше меня.

– Я имею в виду лицо и глаза. У вас обеих зеленые глаза с бронзовыми искорками. – Рой взгляделся в ее лицо. – И маленькое пятнышко цвета фуксии в правом...

Мейс изучила свой глаз в зеркале «Дукати». Она впервые разглядела и бронзу, и пятнышко фуксии. Вот это да...

– Вы первый известный мне мужчина, который понимает, что фуксия – это цвет.

Рой указал на нее.

– Так я и думал, что знаю вас. Вы ее сестра, Мейс Перри. Я должен был вас вспомнить, как только услышал ваше имя... – Он осекся. – Но газеты писали, что изначально вас звали Мейсон Перри. – Насмешливо глянул на нее. – Мейсон Перри. Перри Мейсон, адвокат из телесериала¹⁶. Это совпадение?

– Мой отец был прокурором, но по-настоящему ему всегда хотелось оказаться на другой стороне. Отсюда и Мейсон Перри. Но я стала Мейс, не Мейсон. Я официально сменила имя.

– И что ваш отец об этом думает?

– Не знаю. Его убили, когда я еще была ребенком.

– Простите. Я не знал.

– Вам не за что извиняться.

---

¹⁶ Перри Мейсон – лос-анджелесский адвокат, литературный персонаж и главное действующее лицо серии детективных романов Э. С. Гарднера и многочисленных экранизаций.

– Но вы же были в...

– Я только что вышла.

– Ясно.

Рой неловко засунул руки в карманы и стал смотреть по сторонам. Мейс возилась с застежками своего шлема.

– Если уж на то пошло, я думаю, с вами поступили подло, – наконец произнес он.

– Спасибо. Если уж на то пошло, я думаю, вы говорите правду.

– Знаете, Мона Данфорт – единственная причина, по которой я верю в реинкарнацию.

– В смысле?

– А как еще объяснить перевоплощение Иосифа Сталина в женском теле?

Мейс ухмыльнулась.

– Вы сталкивались с ней, когда работали уголовным адвокатом?

– Я был не настолько большой шишкой, чтобы лично бодаться с этой дамой. Но ее помощники не раз возили меня лицом по столу. А уж в полиции про нее просто легенды рассказывают.

– Не хотите перекусить? Заодно можем пообсуждать, какие пытки лучше всего подойдут для Моны.

– А куда вы хотите поехать?

– В «Бенс Чилли Боул». Я два года мечтала о полукопченых сосисках «Бенни». – Мейс откинула крышку пассажир-

ского сиденья. – Запрыгивайте.

– У меня нет шлема.

– Ну так не падайте на голову. Моя страховка наверняка истекла.

Через несколько секунд «Дукати» с ревом вырвался на улицу.

Глава 15

– Значит, вы только вышли – и сразу стали путаться с убойным отделом?

Они сидели за стойкой в переполненном легендарном «Бенс Чилли Боул» рядом с театром Линкольна на Ю-стрит. Рой принялся за свой острый хот-дог, заодно слизнув с пальца горчицу.

– Я ни с кем не путаюсь. Просто занимаюсь акклиматизацией во внешнем мире.

Мейс неторопливо откусила кусок полукопченого хот-дога, медленно прожевала и облизнула губы. Потом набрала горсть картошки фри с сыром и чили, обмакнула в кетчуп и засунула в рот. Ее лицо выражало глубочайшее удовлетворение, и Рой ухмыльнулся.

– Хотите сигарету?

– Возможно.

– Тюремная еда – полный отстой, верно?

– Он самый.

– До сих пор не могу представить, что кому-то понадобилось убить Диану.

– Вы были так близко с ней знакомы?

– Я работал с ней почти два года.

– Это еще не значит, что вы ее знаете. Бывали когда-нибудь у нее дома?

– Дважды. Один раз на официальной вечеринке, месяца три назад, и один раз перед моим приходом в фирму. Она руководила наймом сотрудников.

– Трудный бросок?

– Не очень. Намного больше денег, чем я стою.

– Но вы же на почасовом конвейере.

– Нет, у нас не так.

– То есть?

– Не поймите меня превратно, я работаю полный день. Но в «Шиллинге» мы не ведем почасовой учет.

– Я думала, все юристы так зарабатывают деньги... Как в книжках Гришэма¹⁷.

Рой покачал головой.

– Мы работаем по договорам на обслуживание. Сложные клиенты с глубокими карманами предпочитают именно такой вариант. Мы знаем, на что будет похожа загрузка, они знают, что им надо, и платят за это. Фирма делит добычу и награждает людей за сделанную работу и принесенные контракты. Никаких сюрпризов. И это намного эффективнее, чем выдаивать клиентов досуха.

– А если вы столкнетесь с чем-то непредусмотренным?

– Мы подписываем соглашения о включении этого в счет. И потом получаем больше денег.

---

¹⁷ Джон Гришэм (р. 1955) – американский писатель и политик, в прошлом адвокат; известен как автор многих литературных бестселлеров в жанре «юридический триллер».

– Судебные разбирательства или сделки?

– Сделки. Судебные разбирательства мы передаем другим фирмам, но в договоре прописана наша ответственность за надзор.

– И сколько же вы зарабатываете?

– Это закрытая информация.

– Если б она была общеизвестной, я не спрашивала бы.

– Я уже сказал, больше, чем стою.

– Отец говорил, что юрист – благородная профессия.

– Она бывает такой, но не для каждого.

– Ага, я тоже ему не поверила. – И Мейс разом прикончила остаток своей сосиски.

Позже, когда они уже вышли на улицу, Рой спросил:

– Так чем вы теперь собираетесь заниматься?

– Сегодня вечером у меня встреча насчет работы.

– Какой именно?

– Ассистент-исследователь.

– Не могу представить вас в белом лабораторном халате и с очками на цепочке.

– Нет, тут другое. Этот профессор занимается изучением городских проблем. Судя по всему, в тех частях города, которые я знаю. По крайней мере, неплохо знала раньше.

– В криминально опасных?

– Бинго.

– И кто этот профессор?

– Эйбрахам Альтман.

– Отец Билла Альтмана?

– Кто такой Билл Альтман?

– Он работал в полиции, когда я был адвокатом. Старше меня, лет сорока пяти. Хороший юрист. Один из тех самых благородных профессионалов.

– Я не знала, что они родственники.

– Эйб – профессор в Джорджтауне и купается в деньгах.

– Тогда это точно он. Сестра сказала, он вроде бы миллиардер, но деньги не зарабатывал.

– Верно. Так вы с ним знакомы?

– Я как-то помогла ему.

– Но вы не знали, что он богат?

– Это не влияло на то, с чем я ему помогала. Так откуда же он взял свои деньги?

– Родители Эйба жили в Омахе через улицу от одного молодого парня, который решил открыть свою инвестиционную фирму. И они вложили все свои деньги в этого человека.

– В Омахе? Неужели вы говорите о...

– Ага. Оракул Омахи, Уоррен Баффетт¹⁸. Похоже, родители Эйба продолжали вкладывать в него деньги и полученные прибыли, пока не стали крупнейшими акционерами «Беркшир Хэттуэй». Они умерли через десять лет, и к этому моменту, полагаю, их доля перескочила за миллиард долларов, да-

---

¹⁸ Уоррен Эдвард Баффетт (р. 1930, Омаха) – американский предприниматель, крупнейший в мире и один из наиболее известных инвесторов, состояние которого оценивается более чем в 100 млрд долл.

же после уплаты налогов. Все досталось Эйбу – он был единственным ребенком.

– А я еще удивлялась, как это профессор из колледжа может меня нанять...

– Просто скажите ему, что вам нужна шестизначная зарплата, полная медицинская страховка, оплачиваемый отпуск и пенсионные отчисления. Он даже глазом не моргнет.

– Может, вы с ним это обсудите?

– В смысле?

– Вы будете моим представителем.

– Вы хотите, чтобы я поехал с вами к Альтману?

– Ага. Я подберу вас в шесть тридцать у вашего офиса.

– Я не собираюсь возвращаться в офис.

– Тогда я подберу вас у вашего дома.

– У кондоминиума. Вы всегда такая стремительная?

– Приходится, раз уж я потеряла два года жизни.

Глава 16

Полицейское управление округа Колумбия наконец-то получило первоклассный лабораторный комплекс для судебно-медицинской экспертизы, основной частью которой было вскрытие трупов. Бет Перри в сопровождении двух детективов отдела по расследованию убийств, работавших по этому делу, вошла в шестиэтажное здание на перекрестке Четвертой и Школьной улиц в Шестом районе. Помимо ДСМЭ, то есть Департамента судебно-медицинской экспертизы, в здании размещались Столичное полицейское управление и Департамент здравоохранения.

Через несколько минут Бет уже стояла рядом с главным судмедэкспертом. У невысокого и тощего Лоуэлла Касселла была короткая седеющая борода и очки в тонкой оправе. Если не считать вытатуированной рыбы на запястье, оставшейся со времен службы в ВМФ на подводной лодке, и маленького шрама от ножевой раны на правой скуле – последствий пьяной ссоры в Японии во время увольнения, – Касселл выглядел типичным сотрудником факультета какого-нибудь колледжа.

Перед ними на металлическом столе лежало тело Дианы Толливер. Бет и детективы явились сюда как минимум за двумя ответами: причина и время смерти. Судмедэксперт снял очки, потер глаза и нацепил стекла обратно.

– Ускоренная аутопсия, как вы и заказывали, – сказал он.

– Спасибо, док. И что у вас есть?

– Увидев синяки у основания шеи, я был уверен, что обнаружу на шее странгуляционную борозду или признаки удушения, а причиной смерти будет удушье.

– Но это не так?

– Нет. У этой дамы просто сломана шея.

– Просто сломана? Без странгуляционной борозды?

– Ну это не всё. На самом деле, там еще интереснее. Очень тяжелая травма.

– Не просто смещение, а атлантозатылочная экзартикуляция?

Касселл улыбнулся.

– Я уже забыл о вашей эрудиции в вопросах судмедэкспертизы. Да, именно разъединение.

С помощью одного из детективов он повернул тело Толливер на бок и указал на основание шеи.

– Повреждение краниоцервикального перехода. – Прижал пальцы к точкам у основания черепа и шейного отдела позвоночника. – Ствол мозга и средний отдел спинного, верхняя и средняя части, чуть выше четвертого шейного позвонка.

– Полный разрыв дыхательного и сердечно-сосудистого центров. Мгновенная смерть.

– Целитесь на мою должность, Бет? – весело спросил Касселл.

– Нет, док. А хотите мою?
– Господи, нет, конечно!
– Итак, кто-то сломал ей шею... Что еще?
– Кровоизлияния в мягких тканях задней стороны шеи и повреждения базилярных сосудов. Еще у нее заметны синяки на лице и порез справа на подбородке; и то и другое прижизненное. Все довольно просто, пока мы не подходим к этому...

Он открыл ноутбук и развернул несколько изображений головы Дианы Толливер.

– Рентген показал отделение атланта от основания черепа. Атлант можно увидеть в большом затылочном отверстии...

– Но позвоночный канал не виден... Ладно, это хрестоматийная экзартикуляция.

– Да, но ствол мозга тоже рассечен.

Бет взгляделась в изображение на экране.

– Рассечение ствола мозга?

– Чаще всего такое встречается при автокатастрофах, при резком торможении... Перелом основания черепа – причина гибели Дейла Эрнхардта на «Дейтоне»¹⁹. Другой вариант – длительное падение. Ствол мозга лопается, смерть на месте.

Бет ткнула пальцем в сторону тела Дианы.

– Эту даму обнаружили засунутой в холодильник в ее юридической фирме примерно через два часа после того, как

---

¹⁹ Дейл Эрнхардт – американский профессиональный автогонщик; погиб во время гонки «Дейтона 500», врезавшись в стену на скорости около 300 км/час.

она вошла в свой офис. Она не нарезала круги на «Дейтоне 500» и не падала с крыши дома.

Судмедэксперт вновь указал на заметно обесцвеченное место в основании шеи.

– Удар в эту точку. Мне не сильно помогло ее пребывание в холодильнике, но вот здесь несомненные следы ушиба перед смертью.

– Ее ударили? Чем, док?

– А вот тут мы переходим к странностям. Я не обнаружил никаких следов. Ни волос, ни волокон, ни пластика, ни металла. Ничего, связанного с зоной повреждения.

– Тогда чем же ее убили?

– Моя лучшая гипотеза – ногой.

– Ногой?

Касселл указал на ссадины на лице Толливер:

– Картина выглядит следующим образом. Женщина лежит на полу, лицом вниз, подбородок прижат к линолеуму, что объясняет порез и синяки, вызванные смертельным ударом. Затем некто – возможно, крупный и сильный мужчина – наступает ей ногой на шею, вкладывая в это движение весь свой вес. Что ни применяй – доску, трубу, молоток или бейсбольную битку, – все оставит на коже заметные следы. Но, как вы видите, ничего подобного здесь нет. Однако человеческая ступня достаточно эластична и может не оставить следов. Даже после удара кулаком останутся следы – от костяшек или ладони, к примеру. Вдобавок, разумеется, в нис-

ходящий удар ногой можно вложить заметно больше усилий, добавляя к удару вес своего тела.

– Итак, нога... Но разве обувь не оставит следов?

– Возможно, хотя человеческая кожа не так податлива, как влажная трава или грязь. Я смогу выявить след в зоне травмы, если вы дадите мне для сравнения ботинок, носок или ступню.

– Хорошо. Но вам когда-нибудь доводилось видеть рассечение ствола мозга при нападении без оружия?

– Только однажды. Но нападавший не был человеком.

Бет удивленно посмотрела на него:

– То есть?

– Много лет назад я был в отпуске в Йеллоустоунском национальном парке. Там произошел несчастный случай с туристом, и меня пригласили провести аутопсию.

– И кто же убил этого человека?

– Гризли. Возможно, самый опасный хищник на планете, – ответил Касселл и улыбнулся Бет. – Разумеется, не считая человека, как мы оба прекрасно знаем. В любом случае этот неудачливый турист потревожил взрослого самца гризли, когда тот ел какую-то добычу.

– Док, в Джорджтауне не водятся гризли.

– Нет. Зато здесь явно есть человек с необычной силой и навыками. Удар был нанесен строго в точку, необходимую для рассечения ствола мозга. И я сомневаюсь, что это случайность.

– Так она уже была без сознания? Или кто-то ее держал? Если преступник был один, она должна была сопротивляться, и на пальцах остались бы следы.

– Под ногтями все чисто.

– Наркотики?

– Токсикологические анализы еще не пришли.

Бет внимательно смотрела на тело.

– Предположим, у преступника был пистолет, и он приказал Толливер лечь на пол лицом вниз. Потом он ее убивает. Тогда достаточно одного человека.

– Верно.

– Ладно, что еще?

– Мы обследовали ее одежду. Нашли несколько волокон, которые ни к чему не подходят.

– Остались от преступника?

– Возможно. Кроме того, ее пиджак испачкан чем-то странным.

– Испачкан?

– Да, что-то вроде жира или земли, сейчас анализируем.

– Ее одежда могла испачкаться о какой-то предмет из холодильника.

– Мы проверили все, что там было. Не подходит.

– Раннее утро, она поднимается с парковки в офис, и у нее на одежде остается земля. Следы преступника?

– Возможно... – Касселл покачал головой. – Я десять лет проработал в судмедэкспертизе Бронкса. Никак не могу при-

выкнуть.

Бет понимающе кивнула.

– Я знаю, в полиции Нью-Йорка говорят «нарушитель», а мы говорим «преступник». Вы можете дать мне окно по времени смерти?

– Бет, это исключительно проблематично. Ее нашли в холодильнике, выставленном на плюс три градуса, потом ее тело несколько часов находилось при комнатной температуре. Когда я прибыл на место преступления, тело на ощупь было очень холодным. А потом ее привезли сюда и поместили в один из холодильников морга. Сейчас, без заморозки, разложение идет строго по расписанию. Пока что трупное окоченение, как вы видите, – заметил он, приподнимая негнущуюся руку трупа. – Но первоначальное охлаждение сбilo нормальные посмертные химические процессы.

– Содержимое желудка?

Касселл нажал несколько клавиш на ноутбуке, потом посмотрел экран.

– В большинстве судмедэкспертиз мы не делаем подробного анализа содержимого желудка, если только нет подозрений в передозировке наркотиков или отравлении. Но я знал, что, если не займусь этим, вы все равно скажете его сделать.

– Чем дольше вместе работаешь, тем лучше получается, верно?

– Она не завтракала и, похоже, последний раз принимала пищу прошлым вечером. Примерно шестьсот кубиков со-

держимого, включая частично переваренный красный белок.

– Иначе говоря, кусочки стейка?

– Скорее всего. Горох, кукуруза и нечто похожее на розовую картошку. Еще шпинат. Желудок и дуоденальная слизистая ярко-зеленого цвета.

– Такой эффект может дать брокколи.

– Но брокколи, как и кукуруза, плохо переваривается в желудке, и я нашел бы кусочки в содержимом. Кукуруза там есть, это отмечено, но брокколи нет.

– Что-нибудь еще?

Касселл скорчил рожу.

– Эта дама любила чеснок. Запах просто невыносимый.

– Напомните, чтобы я купила вам пару прищепок для носа... Ладно, так что со временем смерти? Есть предположения?

Медэксперт снял очки.

– Если у вас есть надежные свидетели для обоих концов двухчасового промежутка, в течение которого ее убили, я не смогу дать лучшей привязки, даже со всей этой модной аппаратурой и тестами.

– Пока трудно сказать, насколько надежны мои свидетели... Что-то еще?

– Когда я сказал про обследование ее одежды, я забыл упомянуть, что одного предмета не хватало.

– Ее трусиков.

– Разумеется, я исхожу из допущения, что эта дама обычно носила нижнее белье.

– Сорок семь лет, партнер в юридической фирме, жила в доме за миллион долларов в Александрии, у воды, и была одета в костюм от «Шанель», когда ее *затоптали*. Я думаю, мы вполне можем допустить, что она относится к тем женщинам, которые носят нижнее белье. Что показало обследование?

– Ссадины вокруг половых органов однозначно свидетельствуют об изнасиловании.

– Док, пожалуйста, скажите мне то, что я хочу услышать.

– Этот парень оставил внутри кое-какие свои частички.

Касселл подвел ее к микроскопу. Она посмотрела в окуляр на пластинку и внезапно улыбнулась.

– Заветное желание судмедэкспертизы.

– Сперма, – добавил Касселл с оттенком триумфа. – В вагине и вплоть до шейки матки.

– Вы сказали, парень оставил частички?

– Два лобковых волоса с корнем, которые не принадлежат покойной.

– Будем надеяться, что база данных даст совпадение... Есть еще что-нибудь для меня?

Касселл помешкал.

– Не по этому делу, нет. Я слышал, что Мейс вышла. Пожалуйста, передайте ей привет от меня.

– Передам.

– Как она?

– Вы знаете Мейс. Встряхнулась и побежала дальше.

– Скажите ей, что небеса точно есть и Моне никогда туда не попасть.

Бет улыбнулась.

– Скажу.

Глава 17

Ворота. Большие ворота. И стена. Длинная высокая стена.

Ворота открылись, когда Рой нажал на кнопку селектора и сообщил об их приезде. Они приехали на «Ауди» Роя, поскольку тот не захотел рисковать травмой головы, разъезжая на байке Мейс без шлема.

– Тогда вам стоит обзавестись шлемом, если хотите ездить со мной, – сказала она ему.

– Я подумаю, – отозвался Рой.

– Насчет шлема?

– Нет, насчет моего желания еще раз поехать с вами.

Они въехали на извилистую мощеную дорожку. Дом стоял на вершине того, что обитатели округа Колумбия называли бы гребнем, хотя люди, живущие в настоящих горах, сошлись бы на холмике.

Мейс глядела в окно.

– Даже не подозревала, что на севере Вирджинии у кого-нибудь есть столько земли.

– Выглядит как целое поместье, – заметил Рой, указывая на большое строение высотой футов в тридцать. – Интересно, там что?

Дорога свернула, и перед ними появился особняк.

– Ни фиги себе! – сказали они хором.

– Эта штука похожа на какое-нибудь здание в Джорджта-

унском кампусе, – заметил Рой.

– Ага, только она больше, – добавила Мейс.

Они остановились рядом с огромным «Бентли». Здесь же стояла двухдверная «Хонда», пыльная и помятая, производящая впечатление лодчонки рядом с яхтой. Рой и Мейс вышли и подошли к массивным деревянным дверям, которые не посрамили бы и Букингемский дворец. Рой еще не успел позвонить, как одна створка открылась.

– Входите, прошу вас, – произнес мужчина.

Эйбрахам Альтман был среднего роста, на пару дюймов выше Мейс, с седыми волосами до плеч и гладко выбритым лицом. На нем были застиранные джинсы и рубашка с длинным рукавом навыпуск. Широкий ворот рубашки открывал несколько завитков седых волос на груди. На ногах – открытые сандалии. Взгляд голубых глаз Альтмана казался живым и выразительным. Ему было за семьдесят, однако его энергии хватило бы на мужчину много моложе.

Альтман горячо потряс руку Мейс, а потом, отбросив формальности, обнял ее, в радостном возбуждении даже приподняв на цыпочки. Потом он разразился потоком слов:

– Мейс, как чудесно снова с вами встретиться... Ваша сестра рассказала мне, что случилось. Конечно, я читал об этом в газетах. К сожалению, я был в Азии во время всех этих неприятностей, иначе я непременно выступил бы в качестве свидетеля вашей репутации. Какая ужасная несправедливость. Слава богу, вы вернулись невредимой.

Он резко повернулся и протянул руку Рою:

– Я Эйбрахам Альтман. Пожалуйста, зовите меня Эйбом.

– Рой Кингман. Я знаком с вашим сыном Биллом.

– Чудесно. Это его «Бентли» там стоит.

– Билл здесь? – спросил Рой.

– Нет, он уехал с семьей за рубеж. Оставил машину здесь до своего возвращения.

– А чья это «Хонда»? – поинтересовалась Мейс.

– Моя.

– Значит, у старины Билла есть «Бентли»? – испытующе уточнил Рой. – Он все еще работает в общественной защите?

– Нет, он ушел отсюда в прошлом году. Теперь занимается другими делами, – ответил Альтман, явно не желая углубляться в тему. – Пойдемте в библиотеку. Хотите что-нибудь выпить?

Рой и Мейс переглянулись.

– Пиво? – спросил Рой.

– На самом деле я думал о чае. Для послеобеденного чая уже поздно, конечно, но мы можем назвать это вечерним чаем. Я восхищаюсь многими привычками наших английских друзей, и послеобеденный чай – одна из них.

– Чай – отличная идея, – сказал Рой.

Весело переглядываясь с Мейс, они последовали за Эйбом Альтманом в глубину скромной обители площадью в тридцать тысяч футов.

Глава 18

Низенький мужчина в золотистой рубашке без ворота и коричневых брюках принес большой поднос. Кроме чайника с горячим чаем, чашек и блюдца, на подносе уместились горки сконов и кексов. Поднос был поставлен на оттоманку с красивой полосатой обивкой. Массивная оттоманка терялась в просторах комнаты, в которой оказались гости. Высокие потолки, стены в кожаных панелях и книжные шкафы из красного дерева, набитые томами. Книги выглядели так, как будто их действительно читали, и не раз. В углу стоял шестифутовый металлический глобус, а у одного из окон – большой старомодный письменный стол с наклонной столешницей. На другом столе, низком и длинном, лежали десятки книг, большинство – открытые – корешком вверх.

Когда мужчина вышел, Альтман сказал:

– Это Херберт. Он со мной уже целую вечность. Ведет все домашнее хозяйство. Не представляю, что бы я без него делал.

– Нам всем следует обзавестись своим Хербертом, – заметила Мейс.

Альтман налил всем чай и предложил выпечку.

– Обширный у вас дом, – заметил Рой, пристраивая на колене чашку с блюдцем, и занялся сконом с черникой.

– Для одного он слишком велик, но у меня много внуков,

и я радуюсь, что всем хватает места. И мне определенно нравится возможность уединиться.

– Бет сказала, что вы хотите предложить мне работу?

Альтман серьезно посмотрел на нее и торжественно заявил:

– Да. И я должен сказать, что никогда не смогу расплатиться с вами за то, что вы сделали. Никогда.

Мейс опустила взгляд, смущенная таким неприкрытым обожанием.

– О'кей.

Альтман взглянул на Роя.

– Эта женщина спасла мне жизнь. Вы знали?

– Нет, но мне нетрудно поверить в это.

– Банда ГН-Двенадцать, – добавил Альтман. – Мерзкие люди.

– ГН-Двенадцать? – переспросил Рой.

– Героин Навеки, двенадцать человек, – пояснила Мейс. – Плохие парни, и без творческой жилки на названия. Половина из них сидит за решеткой.

– А остальные шестеро? – уточнил Рой.

– Мертвы.

– Я несколько раз приходил к вам, – сказал Альтман. – Но меня не пустили в тюрьму.

– Почему?

– Моя репутация. Это исправительное учреждение в Западной Вирджинии уже не раз было объектом моего возму-

щения.

– Вам следовало поговорить с Бет. Она бы все устроила.

– Мне не хотелось усугублять сложное положение вашей сестры. – Альтман взглянул на Роя. – Есть некий прокурор, который настроен против Мейс и ее знаменитой сестры.

– Мона Данфорт, – произнес Кингман.

– Именно. – Альтман обернулся к Мейс. – Год назад даже ходили разговоры о том, чтобы заменить Бет.

Перри поставила чашку.

– Я не знала. Она мне ничего не говорила.

– Ваша сестра многое принимает близко к сердцу, иногда даже слишком. – Ученый проницательно посмотрел на Мейс. – И я полагаю, что вы разделяете эту черту. По счастью, мэр благоразумно положил конец любым разговорам об увольнении Бет.

– Так чем же именно вы занимаетесь, профессор? – спросил Рой.

– Делаю мир или хотя бы столицу нашей страны безопаснее, атакуя проблемы до факта, а не после.

Рой кивнул.

– Образование, профилактика, в таком духе?

– Я говорю о том, чтобы предложить людям настоящий выбор между добром и злом, правильным и преступным. По моему опыту, когда у людей действительно есть выбор, подавляющее большинство выбирает путь уважения закона.

– Мы подходим к вопросу, зачем я вам нужна, – заметила

Мейс.

– Да. Я занимаюсь проектом, который основан на полученном мной исследовательском гранте.

– Бет сказала, что проект подразумевает посещение худших районов округа Колумбия.

– Именно. Районы, в которых вы обычно работали, когда служили в полиции.

– И что вы там разыскиваете?

– Надежду.

– В таких местах ее трудно отыскать.

– Именно поэтому я их и выбрал.

– Так в чем будут заключаться мои обязанности?

– Мне нужно, чтобы вы встретились с определенными людьми из этих районов. Я работал с социальными службами, чтобы выбрать десять человек. Я хочу, чтобы вы поговорили с ними и обсудили мое предложение. Если они согласятся, тогда мы уйдем оттуда.

– Значит, Мейс будет заниматься первичными контактами? – уточнил Рой.

– Верно. – Альтман взглянул на Перри. – Он – ваш представитель?

– Вроде того. И что же вы им предлагаете? – спросила Мейс.

– Стажировка, я назвал бы это так. Мы заберем людей из их нынешней среды, поместим в абсолютно другую – и погрузим в систему социальной переориентации и жесткой об-

разовательной программы. Мы оценим их интересы и амбиции и поможем достичь целей. Мы предоставим им возможности, которые в ином случае остались бы для них недоступны.

– Звучит похоже на «Мою прекрасную леди», – заметил Рой.

– Тут есть принципиальная разница, – ответил Эйб. – Мы не будем разрывать связи с их нынешним миром. У них останутся все контакты, и мы будем поощрять людей поддерживать их. Цель программы – способствовать надежде, а потом распространять ее. Эти люди станут своего рода послами надежды.

– Но никто не может предложить такую стажировку всем людям, живущим в нищете, – заметила Мейс. – Даже вы. Так не будет ли это распространением ложной надежды?

Альтман улыбнулся.

– Ваши слова верны. Никто не в силах поднять всех людей, нуждающихся в помощи, и вытолкнуть их в другой мир. Но если каждый человек, которому мы поможем, вдохновит хотя бы еще одного разорвать круг отчуждения, эффект будет неизмеримо больше. У нас появится еще десять человек, не включенных в программу, которые, в свою очередь, вдохновят других. И, сверх того, это привлечет внимание правительства. А власти располагают финансами, позволяющими помочь намного большему числу людей.

– Сейчас наше правительство на нуле, – сказал Рой.

– Но величайшим ресурсом любого правительства являются граждане. Большинство исследований показывают, что в нашей стране своего потенциала достигает меньше половины взрослых граждан. Если перевести это в финансовые термины, можно говорить о триллионах потерянных долларов в год. Даже циники из Вашингтона присядут подумать над такими числами. А помимо правительства, есть еще и частный сектор, который непрерывно жалуется, что не может заполнить свои вакансии. Должен сказать, что некоторые из моих наиболее творческих и быстро соображающих знакомых прямо сейчас сидят в тюрьмах. Кто-то видит в этом справедливость. Я же вижу упущенные возможности. Я не могу превратить каждого преступника в законопослушного гражданина. Но если я смогу заставить хотя бы двадцать процентов из них выбрать другой путь, который позволит им вносить свой вклад в общество, а не отнимать его, польза от моей программы будет огромной.

– Эйб, вы определенно оптимист, – сказала Мейс. – Я согласна, что многие бандиты умны, сообразительны и неплохо впишутся в ряды бизнесменов, но то, о чем вы говорите, – дело очень и очень непростое.

– Я всю жизнь смотрю на мир через розовые очки. Иногда я прав, иногда ошибаюсь, но не прекращаю смотреть, потому что верю – оно того стоит.

– Но я пару лет была не при делах. Не знаю, насколько я действительно смогу помочь вам.

– Я не пользуюсь доверием людей из этих районов. Я сознаю это. Зато вам они будут доверять. Полагаю, что с вашим участием я действительно смогу изменить ситуацию. – Альтман снял очки и протер их носовым платком. – Вас устраивает такое соглашение?

– Ну у меня нет...

Рой прервал ее:

– А о какой зарплате мы говорим? И каковы дополнительные условия?

У Альтмана сверкнули глаза.

– Теперь я понимаю, зачем вы взяли с собой своего друга.

– Я плохо справляюсь со всякими деловыми вопросами, – торопливо пояснила Мейс.

– Вполне вас понимаю. Что ж, ваша зарплата будет составлять три тысячи в неделю, плюс полная медицинская страховка, транспорт, оплата разумных расходов, комната и питание. Проект продлится около года, я полагаю. Так что основной оклад составит примерно сто шестьдесят тысяч долларов. А если проект окажется успешным, впереди будет еще много работы с аналогичным уровнем оплаты.

Рой посмотрел на Мейс, она уставилась на него.

– Я думаю, зарплата вполне адекватна, – наконец произнес Кингман, пока Перри энергично кивала.

– У меня есть свой транспорт, – сказала она, – но вы упомянули комнату и питание?

– Сложно сказать, в какое именно время суток вам при-

дется заниматься работой. Я предпочел бы, чтобы вы жили здесь, в гостевом доме. Он за спорткомплексом.

– Спорткомплекс? – спросил Рой. – Такое большое здание слева от входа?

– Да, там есть полноразмерная баскетбольная площадка, зал для тяжелой атлетики и кардиотренировок, сауна, джакузи, тридцатиметровый крытый бассейн и полностью оборудованные кухня и комната отдыха.

– Крытая баскетбольная площадка? – уточнил Рой.

– Да. Я сам никогда не играл, но баскетбол всегда завораживал меня, и я очень люблю смотреть матчи. Я уже много лет – с тех пор, как переехал сюда – фанат «Мэриленд Террапинс»²⁰. Я практически никогда не пропускаю их домашние игры и был на последних тридцати семи турнирах АСС²¹. – Альтман внимательно посмотрел на Роя. – Мне кажется, сейчас я вас припоминаю...

– Я играл разыгрывающего защитника в «Вирджиния Кавальерс» лет восемь назад.

Альтман хлопнул в ладоши.

– Ну конечно, Рой Кингман! Именно вы сделали нас в финале АСС.

– Ну мне здорово помогли товарищи по команде.

---

²⁰ Мужская баскетбольная команда Мэрилендского университета, играет в первом дивизионе NCAA.

²¹ АСС – Конференция Атлантического побережья (спортивная студенческая лига).

– Дайте-ка вспомню... Тридцать два очка, четырнадцать передач, семь подборов и три перехвата. И в оставшиеся шестьдесят секунд вы довели мяч до корзины, бросили из-под кольца, спровоцировали фол, спокойно реализовали штрафной бросок, и мы проиграли с разницей в одно очко.

– У вас потрясающая память, Эйб.

Альтман обернулся к Мейс:

– Так вы согласны?

– Да.

– Отлично. – Он достал из кармана ключ и бросил его Мейс. – Ключ от гостевого дома. На нем код от ворот. У вас есть мобильный телефон?

– Э... нет.

Эйбрахам открыл ящик стола, вытащил оттуда телефон и протянул Мейс.

– Теперь есть. Хотите взглянуть, где вы будете жить?

Они доехали на мототележке. Гостевой дом стоял рядом с небольшим прудом, питаемым родниками. Дом напоминал миниатюрную версию особняка, а уровень комфорта и качество обстановки превосходили все когда-либо испытанное Мейс.

Рой разглядывал большие открытые пространства.

– Насколько велико это место?

– По-моему, примерно шесть тысяч квадратных футов.

Билл с семьей жили здесь, пока строился их новый дом.

– Моя квартира – двенадцать сотен квадратных футов, –

заметил Рой.

– Моя камера была восемь на восемь, – сказала Мейс.

Пока они ехали обратно к особняку, Альтман сказал:

– Довольно забавно, знаете ли.

– Что именно? – поинтересовался Рой с заднего сиденья четырехместной тележки.

– Я рос с Уорреном Баффеттом в Омахе – и никогда не думал, что он будет столько стоять.

– Обо мне говорили то же самое, – иронично бросила Мейс.

Глава 19

– Ты совершаешь ошибку.

Бет сменила форму на спортивный костюм. Последний час она провела в подвальном спортзале дома, работая с гантелями и орбитреком. Близилась полночь, но обе сестры сидели в гостиной, и ни одна из них не казалась сонной. Слепыш свернулся у ног Мейс.

– Я думала, ты хотела, чтобы я взялась за эту работу.

– Я говорю о Рое Кингмане. Тебе не следовало болтаться с ним.

– Почему?

– Мы еще не очистили его от подозрений в убийстве Толливер, вот почему. А ты на пробации. Это означает, что ты должна избегать любых контактов с сомнительными людьми.

– Но именно по этой причине я с ним и болтаюсь. Я слежу за ним.

– Может оказаться, что ты проводишь время с убийцей.

– Не в первый раз.

– Тогда ты была под прикрытием.

– Я и сейчас в некотором роде под прикрытием.

– Ты больше не коп.

– Однажды коп – всегда коп.

– Это так не работает. И мне казалось, мы уже обсудили этот вопрос.

– Возможно.

– Мейс, я веду это дело. Ты начнешь копошиться в нем – и все может разлететься на куски. Пострадаем мы обе. Тебе нужно сосредоточиться на собственной жизни.

Мейс откинулась назад и примирительно сказала:

– Ладно, ладно. Я тебя услышала.

– Хорошо, ловлю на слове. Ну так когда ты начинаешь работать с Альтманом?

– Через два дня. И он хочет, чтобы я переехала в гостевой дом в его поместье.

– Я думала, ты поживешь со мной, – удивленно сказала Бет.

– Я могу и то и другое. Ночь здесь, ночь там, когда этого потребует работа.

– Ладно, – разочарованно протянула Бет.

– Я тебя не бросаю.

– Я знаю. Но тебя не было два года... Мне нужна большая доза Мейс Перри.

Мейс сжала руку сестры.

– Ты ее получишь. Нам многое нужно наверстать.

– Так, пока мы совсем не разнюнились... Звонила мама. Она хочет тебя видеть.

Мейс ударила кулаком в лежащую рядом подушку.

– Это единственное, от чего я могу расплакаться. Когда?

– Как насчет завтра?

– Ты поедешь со мной?

- У меня слишком плотный график, извини.
  - Она все еще живет на той плантации с толпой рабов?
  - Когда я проверяла в последний раз, она платила им прожиточный минимум.
  - А муженек?
  - Крепко прижат к ногтю и не путается под ногами.
  - Слушай, а что, если вместо этого визита я напишу на спине «УБН» и пробегу голой через Тринидад?²²
  - Может, выйдет безопаснее... Кстати, Лоуэлл Касселл передавал привет. И еще он сказал: «Передай Мейс, что небеса точно есть и Моне никогда туда не попасть».
  - Я всегда его обожала. Так что он нашел? Я не копошусь, просто интересно, – торопливо добавила она.
  - Толливер изнасиловали.
  - Сперма осталась?
  - Да. Еще он нашел пару чужих лобковых волос и кусочки волокон. А на одежде Толливер пятна грязи.
- Мейс встала.
- Ладно, мне стоит немного поспать, если я собираюсь пережить встречу с мамой. Ты идешь?
  - Бет достала «Блэкберри» и начала отвечать на письма.
  - Осталось двести шестьдесят три.
  - Ты по-прежнему отвечаешь на каждый имейл в течение

---

²² Имеется в виду район на северо-востоке Вашингтона, в 1980–1990-х гг. отличался высокой преступной активностью. УБН – управление по борьбе с наркотиками.

суток?

– Это часть моей работы.

– И по-прежнему никогда его не выключаешь, верно?

Бет подняла взгляд.

– Как и ты раньше.

– Мне было весело.

– Мне тоже.

– Ну да, твой бывший – просто вагон смеха... Я потеряла два года, сестренка, ты потеряла восемь.

– Я не говорю, что виноват только Тед. Моя работа...

– Как будто он с самого начала об этом не знал.

Бет перестала тыкать пальцем в «Блэкберри».

– Иди поспи, для встречи с мамой тебе понадобится много сил.

Глава 20

Мейс мчалась по пустой извилистой дороге, ведущей к лошадиной стране, где старые деньги сливались – зачастую неловко – с новыми. Она ехала к матери, но сейчас заблудилась. Развернувшись в обратную сторону, начала еще чаще оглядываться по сторонам. Наконец остановила байк в конце дорожки, окруженной деревьями. Пытаясь сообразить, где же она находится, услышала справа какой-то шорох. Обернулась на звук – и сердце ее замерло. Мейс потянулась к пистолету, но, разумеется, никакого оружия у нее не было.

– Каким хреном ты выбралась? – выкрикнула она.

К ней ковыляла Хуанита Корова, следом шла Лили Белая Роза со своими девятнадцатью зубами. Хуанита широко улыбалась, держа в руке «Смит и Вессон» калибра.40, Лили сжимала свой нож для разделки рыбы. Мейс попыталась завести байк, но зажигание не схватилось. Две женщины бросились к ней.

– Дерьмо!

Мейс соскочила с мотоцикла и бросилась в лес, но зацепилась ботинком за кочку и упала навзничь. К тому времени, когда она перевернулась, обе женщины уже стояли над ней.

– Теперь, детка, тебе не поможет твоя старшая сестра-сучка, – проворковала Хуанита.

Роза молчала. Она просто отвела назад руку с ножом, до-

жидаясь, когда ее «королева улья» прикажет погрузить зазубренное лезвие в яремную вену Мейс.

– Давай, Лили. А потом мы уберемся отсюда на хрен.

Мейс не была готова к той скорости, с которой опустилось лезвие. Оно ударило прямо в шею.

– Нет!

Перри свалилась с кровати. Из разбитого о тумбочку носа потекла теплая струйка крови. Мейс неуклюже растянулась на коврике и лежала, не двигаясь.

Слепыш, спавший рядом на полу, облизал ее лицо и принялся тихо и жалобно поскуливать ей в ухо.

– Все хорошо, Слепыш, я в порядке.

Наконец Мейс перевернулась, села и отползла в угол, вжавшись в него спиной. Там она свернулась в шар, сжав руки в кулаки, и, неровно дыша, уставилась в темноту. Слепыш лежал перед ней во тьме; его большой розоватый нос наверняка чувствовал, как во все стороны расползается запах ее страха.

Через час Мейс все еще сидела там, вжавшись позвоночником в гипсокартонную стену, которую сестра специально к ее возвращению покрасила в успокаивающий голубой цвет. Но сейчас она не думала о Хуаните или потрошилке Розе. Сейчас она видела себя, накачанную метом, скорчившуюся в углу, впервые в жизни переживающую все это дерьмо.

Мейс так и не увидела ни одного из бандитов, подкарауливших ее в переулке. Она устроила там наблюдательный

пост – следила за одним из центров распространения наркотиков Шестого района. За три дня ей ввели столько наркоты, что она даже не могла сообразить, как ее зовут. Дальше Мейс смутно помнила, как вылезает из машины, держа в руке пистолет, заходит в магазины и забирает то, что не принадлежало ни одному из них.

Один раз началась стрельба. Перри помнила, как инстинктивно нажала на спуск своего пистолета, но пуля не вылетела; оказалось, ее оружие не заряжено. В конце концов ее арестовали с пустым «ЗИГом» в руке и пачкой улик, достаточной, чтобы засадить ее на долгие годы, а остальная часть ее «банды» очень кстати растворилась в воздухе.

Так младшую сестру начальника полиции округа Колумбия обвинили в вооруженном ограблении под метом. Некоторые тут же окрестили ее Патти Херст²³ двадцать первого века. Арест, суд, приговор, апелляции – все неслось какими-то размытыми скачками. Мона рвалась к ее горлу, и только последняя апелляция не дала этой юридической молотилке законопатить Мейс по максимуму, на двадцать лет где-нибудь за тысячу миль от Вашингтона. Мона решительно за-

---

²³ Патрисия Херст (р. 1954) – внучка Уильяма Херста, американского миллионера. Была похищена леворадикальной террористической группировкой. Под угрозой убийства (как выяснилось позже) примкнула к террористам. Приняла участие в нескольких ограблениях банков, после ареста приговорена к тюремному заключению. Экспертиза подтвердила у нее посттравматическое расстройство психики. Ее случай считается классическим примером стокгольмского синдрома.

являла, что Мейс так вжилась в свое прикрытие, что в конце концов перешла на темную сторону. Перри помнила, как сидит в зале суда, а прокурор изрыгает яд, тычет в нее пальцем и колотит кулаком по столу, требуя, чтобы это «животное» ради общего блага было надолго отправлено за решетку. Мейс сотни раз мысленно убивала эту сучку. Однако когда она в результате получила двадцать четыре месяца, на нее и сестру набросились практически все.

Когда автозак с Мейс в наручниках подъехал к тюрьме, у ворот уже выстроились новостные фургоны. Похоже, начальник тюрьмы решил насладиться минутой национальной славы, поскольку он лично повел Мейс сквозь толпу журналистов и враждебно настроенных зевак. В Мейс летели мусор и самые грязные оскорбления. И все же она, волоча ноги, держала голову так высоко, как только могла, и не отрывала взгляд от стальных внешних дверей ее дома на два ближайших года жизни. Но даже ее упрямство не могло справиться с этим оруэлловским давлением, и на глаза наворачивались слезы, а губы начинали дрожать.

Потом толпа зевак внезапно расступилась, и высокая фигура в синей форме с четырьмя звездами шагнула навстречу Мейс и пошла с ней рядом. Судя по потрясенному взгляду начальника тюрьмы, такого он не ожидал. Толпа умолкла. В Мейс больше ничего не летело. Рядом с ней шла начальник полиции Элизабет Перри при табельном оружии и значке, с лицом не выразительнее гранитного блока. Под ее взглядом

любая враждебность превращалась в оцепенение. И только благодаря этому образу, образу сестры, идущей с ней рядом на пути к адскому пристанищу, Мейс смогла пережить эти два года...

С этой мыслью Мейс наконец-то уснула прямо на полу. За два часа до рассвета она вдруг проснулась, покачиваясь, дошла до ванной, смыла с лица засохшую кровь и вернулась в кровать. И, вымотанная, проспала почти три часа, пока сестра осторожно не потрясла ее за руку.

Мейс села в кровати и мутными глазами огляделась по сторонам. Бет протянула ей чашку черного кофе и присела рядом.

– Ты в порядке?

Мейс отпила кофе и откинулась на спинку кровати.

– Ага, в полном.

– Выглядишь немного не в себе... Кошмары снились?

Мейс напряглась.

– А что? Ты что-нибудь слышала?

– Нет, просто подумала, что это вполне естественно. Возможно, твое подсознание до сих пор верит, что на окнах и дверях есть решетки.

– Нет, все отлично. Спасибо за кофе.

– Всегда пожалуйста. – Бет встала.

– М-м-м...

Сестра посмотрела на нее сверху вниз.

– Что-то пришло в голову?

– Я помню, какой цирк устроили медиа, когда я попала в тюрьму. Вот и задумалась.

– Почему они не разбили лагерь у входа, когда тебя выпустили?

– Ага.

– Простой ответ в том, что ты – уже старая новость. У нас тут каждый день какой-нибудь национальный или международный кризис, рушатся крупные компании, взрывают машины или псих с автоматом расстреливает людей в местном торговом центре. К тому же за время твоего отсутствия сотни газет закрылись, оставшиеся вдвое сократили персонал, а ТВ и радио обычно гонятся за более интересными и рейтинговыми событиями, чем ты. Но на всякий случай я в каком-то смысле обошла их с фланга.

Мейс уселась.

– То есть?

– Я сказала, что ты сможешь дать полное интервью. Я решила, они подумают, что раз все так просто, зачем вообще беспокоиться?

– Ловко устроила, Бет... Как сегодня, занятой день?

– Неа, разве ты не слышала? Вчера вечером все преступления чудесным образом испарились.

Мейс приняла душ, переоделась, причесалась, проверила в зеркале лицо, волосы и одежду. А потом разозлилась на себя за это. Как бы она ни выглядела, ее мать всегда найдет, к чему придраться. И, честно говоря, эта женщина легко най-

дет, чем поживиться.

Через несколько минут Мейс уже заводила «Дукати». Слепыш немедленно завыл из-за двери. Перри улыбнулась и добавила газу. Вскоре она уже направлялась на запад, оставила за спиной сам округ Колумбия и въехала по Мемориальному мосту в Вирджинию. Мейс обгоняла машины, перестраивалась из ряда в ряд и думала о предстоящей встрече с женщиной, давшей ей жизнь тридцать с лишним лет назад.

Где-то в глубине души она предпочла бы снова оказаться в тюрьме.

Глава 21

Мейс мчалась по шоссе 50, виляя в потоке плотного утреннего движения. В Мидлберге ее поймал светофор, и она поехала медленнее, а потом и вовсе затормозила. На улицах здесь стояли в основном «Рейнджроверы» и седаны-«Ягуары», да еще случайный «Смарт», улучшающий местную экологию. Небольшой городок был претенциозен в своем дорогом сельском стиле. Здесь за миллионы долларов можно было купить действительно шикарное место для жизни. Много лет назад Мейс и Бет навещали мать, видели роскошное поместье, обедали в шикарном ресторане, прошлись по магазинам, а потом вернулись обратно в округ Колумбия, ловить преступников. И одного этого визита было для Мейс вполне достаточно.

Хотя Бет Перри была всего на шесть лет старше, в жизни Мейс она заняла несравненно больше места, чем мать. По правде говоря, в памяти Мейс именно сестра – в свои девять уже высокая и крепкая – была первой, кто держал ее на руках.

Хотя он умер, когда Мейс только исполнилось двенадцать, Бенджамин Перри очень сильно повлиял на младшую дочь. Мейс прекрасно помнила, как сидит в маленьком отцовском логове и делает домашнее задание, пока папа составляет очередное правовое обоснование, временами зачитывая отрыв-

ки и выслушивая ее замечания. Она горше всех плакала на его похоронах; гроб закрыли, чтобы скрыть лицо, изуродованное ранами от пуль.

Пролетая мимо роскошных поместий, величественно раскинувшихся на сотнях акров, Мейс думала, что ее мать сознательно двигалась к этому уровню богатства. Она методично охотилась, а потом ухватила парня, который не проработал и дня в своей жизни. Зато он был единственным ребенком человека, заработавшего состояние, достаточное для беззаботной жизни нескольких поколений своих потомков. К тому времени обе дочери выросли и ушли из дома, чему Мейс была исключительно рада. Она предпочитала билеты эконом-класса и одежду с распродаж частным самолетам и «Гуччи».

Бет унаследовала свой рост от матери, которая была на несколько дюймов выше мужа. Мейс всегда считала, что ей достались от отца среднее телосложение и задиристость. Карьера Бенджамина Перри в качестве прокурора округа Колумбия была трагически короткой, но на этой должности он боролся с преступниками в самые жестокие годы Вашингтона, быстро став легендой за свою политику выжженной земли по отношению к бандитам. Однако он был известен как человек, который всегда играет честно, и если в деле появлялись доказательства невиновности, они неизменно доходили до адвоката. Отец не раз говорил Мейс, что больше всего боится не отпустить преступника, а отправить за решет-

ку невиновного. Она никогда не забывала эти слова, и потому ей было еще тяжелее принять назначение на отцовскую должность Моны Данфорт.

Убийство Бенджамина Перри так и не раскрыли. За много лет его дочери не раз пытались расколоть этот орешек, но безуспешно. Вещдоки пропали или сгнили. Свидетели уже не помнили тех событий, а кто-то просто умер. «Холодное» дело раскрыть труднее всего. Но сейчас, выйдя из тюрьмы, Мейс чувствовала, что в какой-то момент она попробует еще раз.

В нескольких милях за самим Мидлбергом Перри сбросила скорость и свернула на гравийную дорогу, которая примерно через полмили стала мощеной. Мейс глубоко вздохнула и остановилась у дома с каким-то шотландским названием, поскольку муженек, шотландец по происхождению, безумно гордился своим родным кланом. В предыдущий приезд Мейс и Бет он даже появился перед ними в килте, с кинжалом в носке и шотландской шапочке на голове. Общее впечатление так себе, но, хуже того, бедолага зацепился своей юбкой за рукоять меча здоровенного воина в доспехах, стоящего у стены. Юбка задралась, и всем стало ясно, что хозяин поместья носит свой килт без нижнего белья. Мейс хватило лишь на то, чтобы не выдуть от смеха все содержимое носа. Ей казалось, что она неплохо справилась. Однако мать строго сообщила, что ее супруг плохо воспринял Мейс, катающуюся по полу от хохота, пока сам он отчаянно пытал-

ся вернуть юбку на место.

– Тогда скажи мистеру Гнусняку, пусть надевает трусы, – отрезала Мейс, будучи в пределах слышимости отчима. – Непохоже, чтобы ему было чем хвастаться.

Это заявление тоже приняли не лучшим образом.

Когда она обогнула здание, особняк вырос перед ней во всей красе. Дом был поменьше, чем у Эйба Альтмана, но не намного. Мейс подошла к передней двери, вполне ожидая, что на стук ей откроет дворецкий в ливрее.

Но нет.

Широкая дверь распахнулась. На пороге стояла ее мать в длинной черной юбке, кожаных сапожках и белой накрахмаленной тунике, поверх которой висела золотая цепочка. Платиновые волосы Даны Перри по-прежнему были длинными, сегодня заплетенными во французскую косу. Она выглядела по меньшей мере на десять лет моложе своего возраста. Бет унаследовала материнскую форму лица, вытянутую и привлекательную, с тонким прямым носом и высокими самоуверенными скулами. На тонкой руке матери устроился расчесанный йорк.

Мейс не ожидала объятий и не предлагала их.

Мать оглядела ее сверху донизу.

– Похоже, тюрьма пришлась тебе по вкусу. Ты выглядишь тощей, как струна рояля.

– На самом деле я предпочла бы абонемент в спортзал.

Мать наставила на нее длинный палец.

– Твой отец наверняка перевернулся в могиле. Всегда думаешь о себе, и никогда – о других. Посмотри, чего достигла твоя сестра. Тебе нужно наконец наладить свою жизнь, девочка, или ты сольешь ее прямиком в унитаз. Ты понимаешь, о чем я тебе говорю?

– Ты дашь мне войти или порвешь меня на куски прямо на крыльце, мы засчитаем это за визит и я смогу вернуться в настоящий мир?

– Ты действительно называешь этот помойный город настоящим миром?

– Я смотрю, последние два года ты была так сильно занята, что даже не потрудилась повидать меня.

– Думаешь, видеть тебя в тюрьме было бы полезно для моего душевного здоровья?

– Точно. Прости, я забыла первое правило Даны: ты важнее всего.

– Входи, Мейсон.

Мейс солгала Рою Кингману: отец не называл ее Мейсон. Так ее назвала мать. И сделала это по исключительно гнусной причине. Раздраженная относительно маленькой зарплатой, которую ее муж получал как прокурор, она хотела, чтобы Бенджамин перешел в адвокатуру, где с его мастерством и репутацией можно было заработать в десять раз больше. И потому Мейсон Перри – Перри Мейсон – стало грубым и постоянным напоминанием о том, чего муж не дал ей.

– Меня зовут Мейс. Я думаю, за столько лет уже можно это запомнить.

– Я не собираюсь обращаться к тебе по названию оружия.

«Может, и неплохо, – подумала Мейс, проходя мимо матери, – что я больше не ношу пистолет».

Глава 22

Этим утром Рой Кингман пропустил баскетбол. Он прошел мимо Нэда, который выглядел намного бдительнее обычного и даже умудрился завязать на мясистой шее форменный галстук. Нэд развязно отсалютовал ему двумя пальцами и заговорщицки качнул подбородком, будто хотел дать понять Рою, что уж сегодня ни один убийца не проскользнет мимо охраны.

«Давай-давай, братан».

Рой поднялся на лифте в «Шиллинг и Мердок». Полиция все еще работала в офисе, кабинет Дианы и кухню обтянули лентой, за которой сустились копы и эксперты. Кингман перебросился парой слов с другими юристами. Он пытался изображать хладнокровного парня при Мейс, явно повидавшей намного больше мертвецов, чем он, но тело Дианы, выпавшее из холодильника, что-то закоротило у него в голове. Эта картина возвращалась к нему снова и снова, пока он не почувствовал, что ему нечем дышать.

Рой подошел к кабинету Честера Акермана, но дверь была закрыта, а секретарь, сидевший напротив кабинета босса, сказал, что там полиция, допрашивает управляющего партнера. В конце концов Кингман зашел в свой кабинет и закрыл дверь. Затем уселся за стол, включил компьютер и начал просматривать почту. Взгляд ухватился за пятое письмо.

Письмо от Дианы Толливер. Он посмотрел на дату. Прошлая пятница. Время – десять с минутами. Рой не проверял рабочую почту на выходных, поскольку там все равно не было ничего срочного. Он собирался заняться этим в понедельник утром, но труп Дианы, выпавший из холодильника, спутал все планы. Под письмом стояли инициалы Дианы, «ДЛТ».

Письмо было кратким и загадочным, даже для поколения «Твиттера».

Нам необходимо переключить себя на А-

Почему она не закончила письмо? И почему отправила незаконченное?

Вполне возможно, это ничего не значит. Сколько раз он сам допускал ляпы, промахиваясь по клавишам? Если бы письмо было важным, Диана отправила бы его заново, уже целиком, или позвонила бы ему. Рой проверил телефон. Ни одного сообщения от Дианы. На всякий случай он просмотрел список звонков – вдруг она не написала, а позвонила.

Ничего.

А-?

Это не зажгло никаких лампочек у него в голове. Если речь шла о клиенте, их немало... Рой вывел список на экран и подсчитал. Имена двадцати восьми клиентов начинались с «А». С одиннадцатью из них Рой и Диана регулярно работали вместе. Они представляли несколько фирм с Ближнего Востока, и там вполне хватало «Аль-что-нибудь». Другой юрист компании? Здесь работало почти пятьдесят человек,

еще двадцать два – за границей. Кингман лично знал всех из вашингтонского офиса. Он напряг память и быстро составил список из десяти человек, чье имя или фамилия начинались с «А». Алиса, Адам, Абернати, Айкенс, Честер Акерман...

Рой знал, что полиция уже скопировала все файлы с компьютера в кабинете Дианы, так что это письмо для них не новость. Однако не следует ли ему позвонить и рассказать им, что он сейчас нашел?

«А вдруг они мне не поверят?»

Рой впервые понял, как чувствовали себя его клиенты, когда он работал общественным защитником. Кингман вышел из кабинета и поехал на лифте вниз, надеясь, что прогулка вдоль реки немного прочистит ему голову. На четвертом этаже двери открылись, и в кабину лифта ворвался визг пил и стук молотков. В лифт зашел пожилой мужчина в брюках, белой рубашке с коротким рукавом и каске.

Четвертый этаж был выпотрошен и перестраивался для новых арендаторов. Люди во всем остальном здании считали дни до завершения ремонта, поскольку работы получились очень грязными и шумными.

– Как оно идет? – спросил Рой мужчину, державшего под мышкой рулон чертежей.

– Медленнее, чем хотелось. Слишком много проблем.

– Парни не выходят на работу? Инспектора тормозят с утверждением?

– Всё так. Вдобавок вещи пропадают.

– Пропадают? В смысле?

– Инструменты. Продукты. Я думал, это здание должно охраняться...

– Ну от охранника в вестибюле толку вообще никакого.

– Слышал, здесь убили какую-то даму-юриста. Это правда?

– Боюсь, что да.

Глава 23

Рой прошелся вдоль реки и остановился у одного из причалов, рядом с пришвартованным сорокафутовым катером. Интересно, на что это похоже, подумал он, жить на катере и... просто жить? Наблюдать за закатами и плавать, когда пожелаешь? Повидать мир? Рой видел свой родной город, живя в округе Колумбия, в Шарлоттсвилле. Он побывал во многих городах, но только чтобы постучать баскетбольным мячом о площадку, а потом двигаться дальше. Он смотрел на океаны, Тихий и Атлантический, с высоты сорок тысяч футов. Он видел Биг-Бен и пески Ближнего Востока. Вот примерно и всё.

Рой почувствовал запах прежде, чем заметил человека. Он обернулся, уже засовывая руку в карман.

– Привет, Капитан.

– Рой, – произнес в ответ мужчина и быстрым движением отдал ему честь.

Капитану было под шестьдесят, ростом он был не ниже Кингмана. Однако, в отличие от поджарого Роя, сложен как футбольный форвард и тяжелее фунтов на восемьдесят. Когда-то весь этот вес составляли мышцы, но улицы превратили их в жир. Живот Капитана так раздулся, что три нижние пуговицы на куртке уже давно не застегивались. Мужчина сильно кособочился влево – наверное, и позвоночник

его уже искривился. Такое случается, когда питаешься всякой дрянью из мусорных бачков и спишь на голом бетоне.

Рой звал его Капитаном из-за нашивок на куртке. Насколько ему удалось узнать, Капитан некогда служил в армейской разведке и отличился во Вьетнаме. Но после возвращения домой дела пошли не слишком хорошо. Алкоголь, а потом наркотики разрушили то, что должно было стать достойной военной карьерой. Вероятно, Управление по делам ветеранов пыталось помочь ему, но в конце концов Капитан выпал из их поля зрения и провалился в жизнь на улицах столицы той страны, которую когда-то защищал ценой своей крови.

Капитан был бездомным уже больше десяти лет. И с каждым годом его форма становилась все более потертой, а кожа – испятнанной непогодой, совсем как дома, темнеющие со временем. Однако некому было прийти и как следует вымыть его. Впервые Рой встретился с Капитаном, когда работал общественным защитником. Прежде чем тот обосновался в Джи-тауне, район его вылазок за едой был шире, а манеры – агрессивнее. Его пару раз обвиняли в угрозах физического насилия, в основном в связи с преследованием туристов или офисных работников ради денег или еды. Рой защищал его однажды, добился испытательного срока и попытался получить для него помощь, но Управление тонуло в нуждающихся солдатах с нынешних войн, а Капитан всегда плохо справлялся с длительным соблюдением правил.

Печальная история, и сейчас Рой только и мог, что открыть кошелек, посмотреть на потемневшее, сероватое лицо, встретиться с отсутствующим, мутноватым взглядом и сказать:

– Не против, если я добуду тебе какой-нибудь еды?

Капитан, кивнув, взъерошил огромной рукой путаницу грязно-серых волос. Он носил рваные перчатки, когда-то белые, но сейчас чернее его лица. Пока они шли рядом, Рой посмотрел вниз и увидел, что обувь Капитана состоит из кусков картона, перевязанных веревкой. Капитан пережил зиму и проливные весенние дожди, ночные холода тоже ушли в прошлое. Но когда он закашлялся и сплюнул мокроту в Потомак, Кингман задумался, переживет ли старик еще один год на улице. Глядя на куртку Капитана с «Бронзовой звездой» и другими медалями на груди, включая значки от двух «Пурпурных сердец»²⁴, Рой думал, что солдаты этой страны заслуживают лучшего.

Капитан покорно ждал перед кафе, как послушный пес, пока Рой покупал еду. Он вышел, протянул ему пакет и стал смотреть, как Капитан, усевшись на бровке тротуара, ест все прямо здесь, в последнюю очередь выпив кофе. Потом он вытер рот бумажным пакетом и встал.

---

²⁴ «Бронзовая звезда» – четвертая по значимости боевая награда в Вооруженных силах США (если награждение было произведено с кластером «V» за героизм на поле боя); «Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

– Какой у тебя размер обуви? – спросил Кингман.

Капитан посмотрел на свои ноги.

– Большой. Наверное...

– У меня тоже. Пойдем.

Они направились обратно, к офисному зданию, и зашли в подземный гараж. Рой достал с заднего сиденья своего «Ауди» пару почти новых баскетбольных кроссовок.

– Примерь эти.

Он перебросил кроссовки Капитану. Тот довольно ловко поймал обе, уселся на холодный пол гаража и принялся сдирать с ног картон и веревки. Рой увидел почерневшую, ободранную кожу с шишками и зеленоватыми порезами, и отвернулся.

– Подходят, – спустя минуту сказал Капитан.

Рой думал, что кроссовки налезут, только если тот отрежет себе пальцы.

– Рой, ты уверен? Они небось миллион долларов стоят...

– Меньше. И у меня еще есть.

Он внимательно посмотрел на Капитана. Если дать ему наличные, все уйдет на спиртное или какие-нибудь уличные наркотики, а это старику точно не нужно. Рой трижды приводил Капитана в приюты, но не проходило и дня, как тот возвращался на улицы. Не брать же его в свою квартиру. Соседи вряд ли такое одобряют, да и нет гарантии, что у бывшего солдата не поедет крыша и он не решит разделать Роя на запчасти.

– Загляни через пару дней, я принесу для тебя еще кое-какие вещи, ладно?

– Так точно, сэр, – дружески отозвался Капитан, вновь отдав честь.

Внезапно Кингман сообразил, чего не хватает, и удивился, что не заметил этого раньше.

– А где твоя тележка?

Как и многие бездомные, Капитан держал все свое имущество в ржавой магазинной тележке со сломанными передними колесами.

– Какие-то уроды украли.

– Ты знаешь кто?

– Вьетконговцы проклятые... Я их поймаю. И тогда...
Гляди.

Капитан залез в карман и достал большой складной нож, похоже, армейского образца.

– Не стоит, Капитан. Пусть этим полиция занимается.

Капитан просто смотрел на него. Потом махнул своей лапшей.

– Спасибо за тапки.

Глава 24

К несчастью, муж матери, Тимоти, был дома. К счастью, сегодня он не надел килт. На взгляд Мейс, Тимоти выглядел как бездельник, отчаянно желающий, чтобы его считали настоящим сельским помещиком с британским оттенком. Это желание выражалось в твидовом костюме, старомодном охотничьем жилете, симпатичном платке, идеально подобранном в тон рубашке, и коричневых сапогах для верховой езды, хотя ни одной лошади поблизости не наблюдалось. Когда Мейс увидела его, она почувствовала, как ее губы начали подрагивать, и торопливо отвела взгляд, чтобы не фыркнуть.

Они уселись в нарочито английской оранжерее; пожилая женщина в униформе горничной принесла кофе и маленькие сэндвичи. Женщина выглядела так, будто предпочла бы забивать себе в голову гвозди, лишь бы не изображать горничную для Тимоти и Даны. Сэндвичи сильно уступали волшебной выпечке Эйба Альтмана. Тем не менее Мейс набила желудок и заправилась кофеином.

Маленькая собачка-йорк, которую, как сообщили Мейс, зовут Энджелина Фернандина, сидела на пухлой подушке перед личной золотой тарелочкой с первоклассным кормом и увлеченно грызла его зубами, размерами и формой напоминающими занозы. Мейс качнула головой в сторону бес-

ценной Энджелины.

– Ее вы тоже одеваете?

– Только когда путешествуем, – ответила Дана. – Она мерзнет в нашем самолете.

– Бедняжка, – протянула Мейс.

– А Бет все еще содержит свой зверинец неудачников?

– Только меня и Слепыша, но он крепкий парень. Наверное, будет жив и здоров, когда вам придется зарыть старушку Энджи в землю.

При этих словах Тимоти набрал в грудь воздуха и осторожно потрепал Энджелину тыльной стороной ладони, из чего Мейс сделала вывод, что в действительности ему не нравятся собаки, даже подстриженные.

– Ну и как ваша жизнь сельских аристократов?

Тимоти изящно промокнул губы платком с монограммой и взглянул на Дану, явно ожидая ее ответа.

– Тимоти избрали председателем местной комиссии по планированию. Очень важная должность, потому что ты не согласишься, какие только идеи застройки не приходят людям в головы... Это просто какая-то пародия.

«Вроде поддельного шотландского замка в двадцать тысяч квадратных футов посреди сельскохозяйственных земель? У ваших соседей-фермеров налог на недвижимость разом взлетел в десять раз», – подумала Мейс. Однако вслух она произнесла:

– Поздравляю, Тимоти. Это замечательно.

Тимоти дожевал остатки сэндвича и надул грудь. Когда он заговорил, казалось, что он обращается к невидимой аудитории в тысячи человек:

– Я постараюсь как можно лучше выполнять свои обязанности. Я собираюсь очень серьезно отнестись к врученным мне браздам правления.

«Господи, какой же ты придурок...»

– Ни минуты не сомневаюсь, – любезно заверила его Мейс.

– Так каковы же твои планы, *Мейсон*? – спросила Дана.

Мейс медленно поставила кофейную чашку.

– Честно говоря, я уже раздумывала, не заняться ли стриптизмом перед веб-камерой за еду, но тут мне подвернулась одна работа.

– Какого рода?

– Ассистент профессора из колледжа.

– Зачем профессору колледжа такой ассистент, как ты?

– Он слепой и с ограниченным бюджетом, а я выйду дешевле, чем собака-поводырь.

– Мейсон, ты хоть раз в жизни можешь быть серьезной?

«Ладно, я пыталась поиграть в ладушки, и мне не понравилось».

– Разве для тебя важно, чем я занимаюсь? Мы обе прекрасно знаем, что с играми в мамочку ты опоздала лет на двадцать.

– Да как ты смеешь...

Мейс чувствовала, как у нее загорелись уши. Она не хотела приходить сюда. Действительно не хотела.

– О, я всегда смею. Так что сбавь обороты, мамуля.

– Тогда позволь, я объясню, почему это мое дело. Если ты не можешь содержать себя, угадай, кому придется тебя поддерживать?

Мейс с такой силой сжала кулаки, что костяшки побелели. Она наклонялась к Дане, пока между их носами не остался едва ли дюйм.

– Я скорее отгрызу себе руку, чем приду к тебе или этому Мальчику-в-Килте хоть за одним гребаным даймом²⁵.

Побагровевший Тимоти поспешно встал.

– Думаю, мне пора заняться йогой. Мое душевное равновесие нарушено.

Дана немедленно протянула ему руку:

– Конечно, дорогой. Но не забудь, у нас сегодня ужин с мэром и его женой во «Френч Хаунд».

Едва мужчина вышел из комнаты, Дана набросилась на свою младшую дочь:

– Поверить не могу, но, похоже, тюрьма тебя окончательно испортила.

Укол был таким слабым, что Мейс просто проигнорировала его и какое-то время молча смотрела на мать.

– Почему ты до сих пор его так облизываешь? У тебя есть кольцо. Ты законно прикована к Лорду Килту.

---

²⁵ Дайм – 10 центов.

– Он шотландский эрл, а не лорд, – чопорно ответила Дана.

И тут до Мейс внезапно дошло.

– Твой Килт выкатил хитрожопый контракт, да?

– Мейсон, заткнись! Немедленно!

– И как оно работает? Ты получаешь пару бриллиантовых браслетов, немного наличных и пачку акций за каждый год супружеского счастья?

– Сама не понимаю, зачем я тебя сюда пригласила, – огрызнулась ее мать.

Мейс встала.

– Это как раз понятно. Ты просто хотела, чтобы я увидела, какая у тебя изумительная жизнь. Ладно, я потрясена, все как положено. Я счастлива, что ты так очевидно счастлива.

– Ты никудышная лгунья. И всегда ею была.

– Наверное, поэтому я и стала копом. Всегда могу вытащить значок и разобраться, кто пытается со мной шутки шутить.

– Но ты больше не можешь быть копом, верно?

Это прозвучало явной издевкой.

– Пока не выясню, кто меня подставил.

Дана закатила покрашенные глаза.

– Ты правда думаешь, что у тебя это выйдет?

– Я не думаю. Я точно знаю.

– Что ж, на твоем месте я бы как следует трудилась на твоего профессора. Потому что «ассистент» – именно то, что

тебе подходит.

– Спасибо за поддержку. Провожать не нужно.

Но мать последовала за ней до входной двери. Когда Мейс застегивала шлем, Дана сказала:

– Ты знаешь, сколько неприятностей доставила сестре?

– Ага, отлично знаю.

– И тебя это, разумеется, ничуть не беспокоит?

– Как будто ты согласишься, если я скажу иное...

– Меня тошнит от твоего эгоизма.

– Ну я училась у мастера.

– Я потратила лучшие годы жизни на твоего отца. У нас никогда не было денег. Мы нигде не бывали. Ничего не делали. Ничего.

– Ну да, карать зло и делать мир лучше для всех – ужасное занятие.

– Ты была ребенком. Ты просто не понимаешь.

– Я отлично все понимаю. Говоришь обо мне? Тебе никогда не будет так хорошо, как было, даже близко. И плевать, сколько еще богатых Тимоти ты окружишь.

– Ты так думаешь?

Мейс подняла щиток.

– Да, потому что папа был единственным мужчиной, которого ты по-настоящему любила.

– Пожалуйста, уезжай отсюда!

Мейс заметила, как правая рука матери вздрогнула.

– Ты понимаешь, какое тебе выпало счастье – иметь рядом

хорошего и любящего человека? Бет такого не досталось. И, боюсь, не достанется.

Ей показалось, что взгляд матери стал безжизненным, и дверь захлопнулась.

В приступе внезапной паники Мейс резко переключила скорость, желая как можно скорее убраться подальше. Может, мать права. Может, она больше никогда не будет копом. Может, лучшего она и не заслуживает...

Глава 25

Бет прочитала отчет с экрана компьютера трижды. Этому научил ее отец. Читай первый раз, чтобы получить общее представление, – и сразу второй, выхватывая все детали. Потом выжди не меньше часа и прочти в последний раз, но не по порядку, чтобы вывести взгляд и разум из зоны комфорта.

Бет задумалась. Они прочесали оба компьютера Дианы Толливер, рабочий и домашний, но не обнаружили никаких сюрпризов. На рабочем компьютере хранилась масса юридических документов, исследований и переписок по десяткам сложных сделок. Таунхаус Толливер, расположенный в старом городе Александрии, не выдал им ни улики, ни следов. Теперь они будут работать с внешними связями, отталкиваясь от ее работы и личной жизни. Убийства редко бывают случайными. Семья, друзья, знакомые, соперники, отвергнутые любовники – из этих групп чаще всего и появлялись люди, отнимающие жизнь.

Бет посмотрела на единственный интересный объект из рабочего компьютера Толливер. Электронное письмо, которое она отправила в пятницу вечером Рою Кингману. Послание было загадочным, и Бет надеялась, что Кингман сможет его объяснить, но в телефонном разговоре с детективами он заявил, что не представляет, о чем идет речь и почему это письмо было отправлено ему.

Показания электронной системы гаража свидетельствовали, что Толливер в пятницу вечером ушла из офиса без двух минут семь, потом вернулась за несколько минут до десяти и снова ушла в десять сорок. Уборщики пришли в семь тридцать и ушли около девяти тридцати. Ничего необычного они не видели.

Чем занимаются люди вечером в пятницу? Обычно ужинают... Раз она взяла машину, идти пешком было слишком далеко. Полицейские запросили движение по кредитной карте Толливер, чтобы выяснить, в какой ресторан она отправилась. Сработает, разумеется, только если она оплатила счет, но след все равно перспективный.

«Нам необходимо переключить себя на А-».

Бет отправила это Кингману, но тот утверждал, что не понимает смысла послания. Целое ли это сообщение или только его часть? Возможно, ее прервали. Предположим. Но кто мог это сделать так поздно? И в понедельник утром она еще была жива... Бет нахмурилась при мысли, что ее сестра суетится вокруг этого Кингмана. Способен ли тот сломать ближнему ствол мозга? Да, скорее всего.

Были и другие письма, которые Диана посылала на выходных, но из дома. Обычная переписка с несколькими друзьями, заказы нескольких вещей для дома у двух продавцов. Ее «БМВ 735» стоял в гараже на обычном месте, и, судя по записям ворот, она заходила туда ровно в шесть утра. Машину обыскали, но не нашли ничего полезного.

Сумочку Толливер не обнаружили, так что грабеж исключать нельзя. Однако ее изнасиловали; и это может быть основным мотивом. А потом убили, чтобы не дать указать на насильника. Никто из «Шиллинг и Мердок» не появлялся в офисе в выходные, включая саму Диану.

Насколько Бет удалось выяснить, Толливер обычно появлялась там около девяти. Тогда зачем она приехала в понедельник так рано? Они допросили всех сотрудников этой фирмы, выясняя, где те были утром в понедельник. Однако всерьез Бет рассчитывала лишь на отправленную на анализ сперму и совпадение в базе данных.

Им не удалось найти ни одного человека, говорившего с Дианой в выходные. Один из соседей сообщил, что видел, как она быстро уезжает около девяти утра в воскресенье, но не разговаривал с ней. Толливер жила в таунхаусе с гаражом, дом был крайним в блоке. Она могла уходить и возвращаться, ни с кем не встречаясь, оба выходных дня.

Грязные тарелки в посудомоечной машине свидетельствовали, что в выходные она ела дома. Люди из службы уборки приходили к ней три раза в неделю, но не в выходные дни. На домашнем телефоне не было ни одного исходящего звонка, а входящие на автоответчике оказались звонками исключительно от коммивояжеров. Очевидно, Толливер, как и многие люди, в основном использовала для связи мобильный телефон.

Полицейские не нашли ее «Айфон», поскольку, предпо-

ложительно, тот находился в пропавшей сумочке. Но они запросили у оператора сведения о телефонных разговорах. В выходные Толливер много говорила по мобильному. Правда, ее абоненты не были ни друзьями, ни коллегами. В общем, ничего особенного – обычная жизнь человека в выходные дни. Разумеется, Толливер не знала, что это последние выходные в ее жизни...

В прошлую пятницу, ее последний полный день в офисе, она встречалась с разными клиентами. Трое были местными; их уже опросили, но ничего интересного не узнали. По их словам, Толливер выглядела абсолютно нормально. Еще два клиента оказались иностранцами. Оба мужчины улетели вечером в пятницу и сейчас уже вернулись на Ближний Восток. Ни один из них, очевидно, не мог быть убийцей.

Мобильный телефон Бет чирикнул.

– Да?

– Ты работаешь допоздна? – произнес голос Мейс.

– Была запланирована встреча с общественностью, но ее отменили. А что ты предлагаешь?

– Ужин с меня. Выбери симпатичное место. В смысле, по-настоящему, куда ходят в туфлях и всем прочем.

– Альтман выдал тебе аванс?

– Нет, я просто зачистила свой банковский счет.

– Мейс, а как же кредиторы?

– Я начну расплачиваться с ними с первой зарплаты. А сейчас давай просто хорошо поедим.

- У мамы было настолько плохо?
- Она еще жива, я тоже; разве это плохо?
- Ладно. Давай в восемь тридцать. Я позвоню тебе насчет места.

Мейс отключилась, и Бет вернулась к своим записям.

Зазвонил рабочий телефон.

Она сняла трубку и две минуты слушала.

Еще одно убийство.

На этот раз совсем близко к дому. Убит прокурор. Не Мо-на Данфорт. Бет умудрилась не прилепить к этой мысли ярлык «к сожалению». Но на северо-западе Вашингтона, в мусорном баке, только что обнаружили тело Джейми Мелдона.

Глава 26

По дороге Бет размышляла об убитом. Джейми Мелдон являлся одним из главных помощников Моны Данфорт, но был настолько не похож на своего босса, насколько это вообще возможно. Превосходный и трудолюбивый юрист, наживший себе множество врагов в преступном мире, как и любой хороший прокурор. И, скорее всего, один из этих врагов и убил его.

Бет явно не сможет сегодня поужинать с Мейс. Но сестра поймет; она прекрасно знает, что в их работе зов дела превыше всего.

Когда Бет появилась на месте преступления, она ничуть не удивилась, заметив среди своих людей агентов ФБР. Мелдон был государственным прокурором, его убийство – федеральное преступление. Но ее потрясло другое: полицейские и судмедэксперты упаковывали снаряжение, собираясь уходить.

– Что тут происходит? – спросила она у старшего офицера.

– Нам совершенно недвусмысленно заявили, что это федеральное расследование, и мы – персоны нон грата.

– Как будто мы никогда не работали по убийствам вместе с Бюро... Кто командует парадом? – спросила она, имея в виду старшего спецагента.

Офицер указал на мужчину в костюме, стоящего рядом с мусорным баком.

Бет направилась к нему; следом за ней шли двое детективов из отдела по расследованию убийств.

– Могу я спросить, что происходит?

Мужчина обернулся и посмотрел на нее:

– Привет, Бет.

Перри узнала его, как только увидела лицо.

– Стив?.. Не думала, что замдиректора выезжает на убийства.

Стив Ланье, заместитель директора вашингтонского офиса ФБР и человек, с которым Бет много работала, ответил:

– Ну не могу сказать того же о тебе, поскольку ты стараешься выезжать на каждое.

– Ты был знаком с Джейми Мелдоном?

– Нет.

– Тогда почему приехал?

Ланье взглянул на группу мужчин в костюмах.

– Ты знаешь, кто они?

– Нет, а должна?

– Через пару минут они подойдут сюда и сообщат тебе, что на кону интересы национальной безопасности и полиция не должна вмешиваться в это расследование.

– Какое отношение национальная безопасность имеет к убийству прокурора?

– Ну, полагаю, этого мы не узнаем.

– Мы?.. Ладно, они могут выдернуть ковер из-под нас, но ты-то ФБР.

– В обычных обстоятельствах это было бы справедливо.

– А что сейчас необычного?

– Могу только сказать тебе, что оно идет прямым из Пенсильвании.

– Из Белого дома?

– И не трудись спрашивать, кто они. Все равно не скажут.

– ЦРУ? – озадаченно спросила Бет. – Но у Лэнгли нет полномочий правоохранительных органов. Черт, они вообще не могут работать внутри страны.

– Возможно, они не из ЦРУ.

– Стив, ты хочешь сказать, что даже не знаешь, из какой они конторы?

– Верно.

– Тогда какого хрена они получили доступ к месту преступления?

Ланье мрачно улыбнулся.

– Они показали свои водительские права.

– Ты издеваешься? Какие еще водительские права?

– Директор ФБР лично сообщил мне, что они приедут сюда, перечислил их фамилии и сказал, что они должны получить неограниченный доступ к месту преступления, поскольку берут расследование на себя. Поэтому им не понадобилось показывать мне другие документы.

– Да быть такого не может!

– Тем не менее...

– Шеф Перри? – произнес мужчина лет сорока, похоже, лидер этой маленькой группы неизвестных.

– Да, – сухо ответила Бет.

– Возможно, заместитель директора уже ввел в вас в курс... дел.

– Что вы растоптали мою юрисдикцию, основываясь исключительно на документе, удостоверяющем ваше право управлять автомобилем? Да, он упомянул об этом, но, возможно, вы уточните подробности, включая ваши фамилии и агентство, на которое вы работаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.